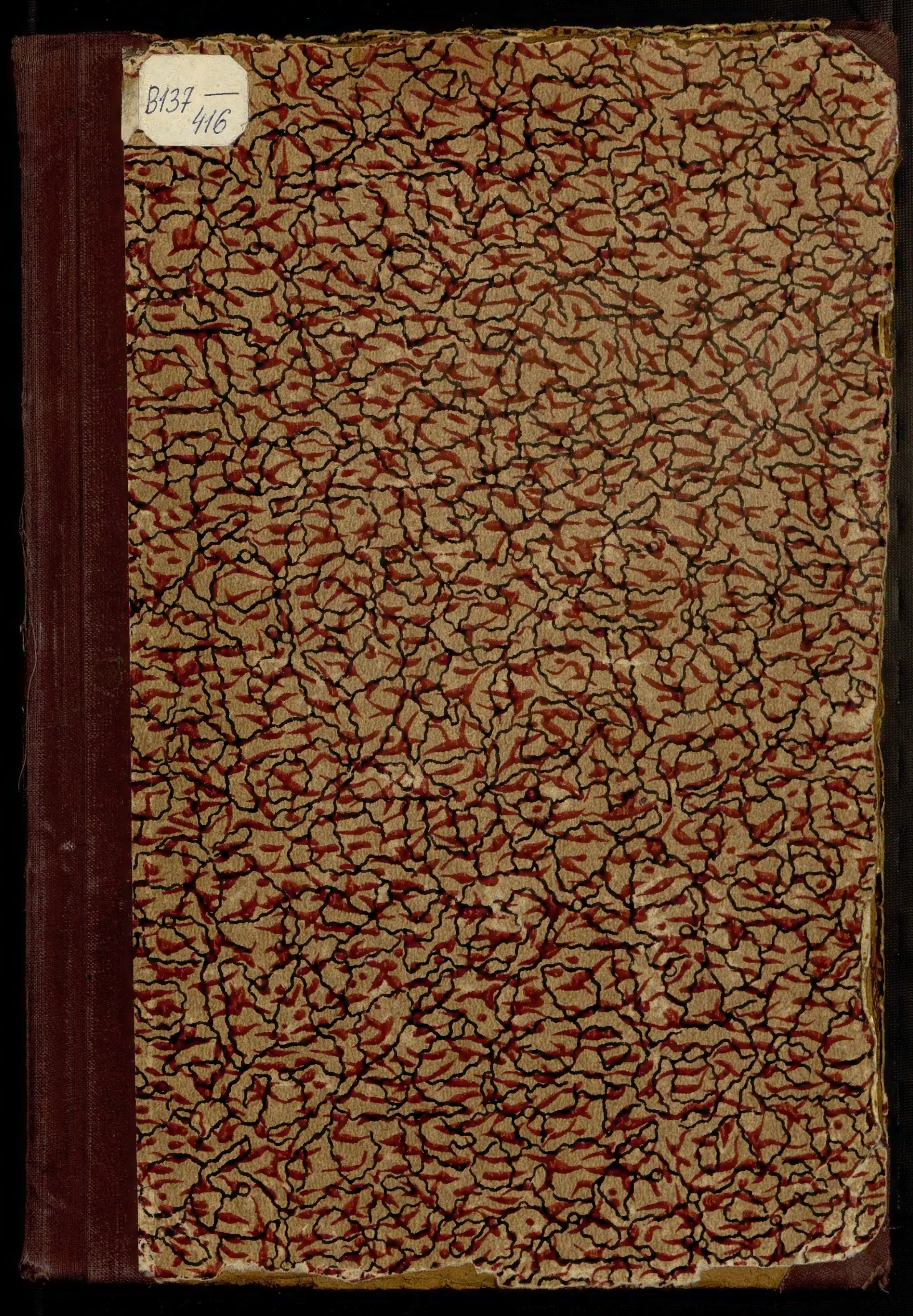
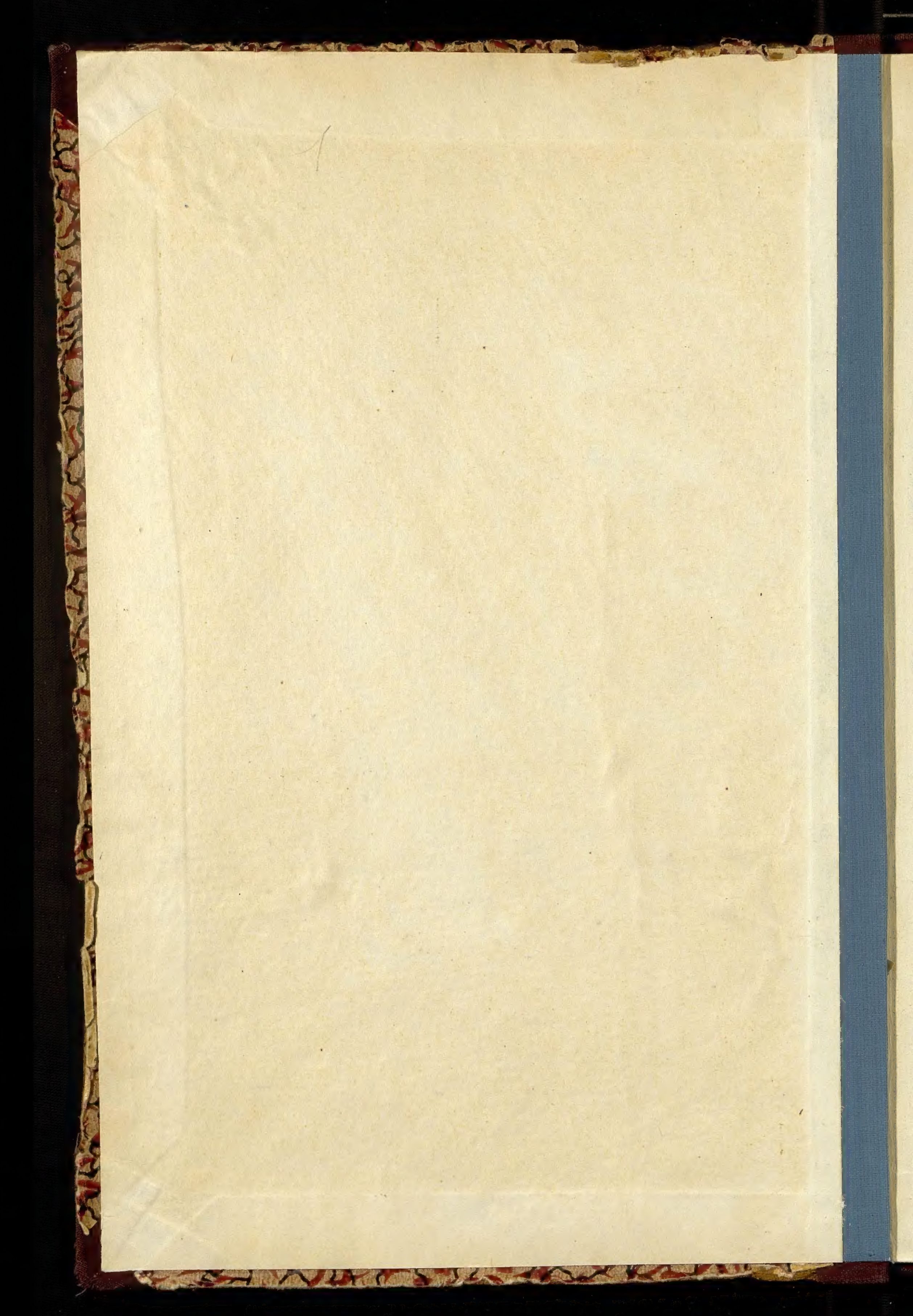
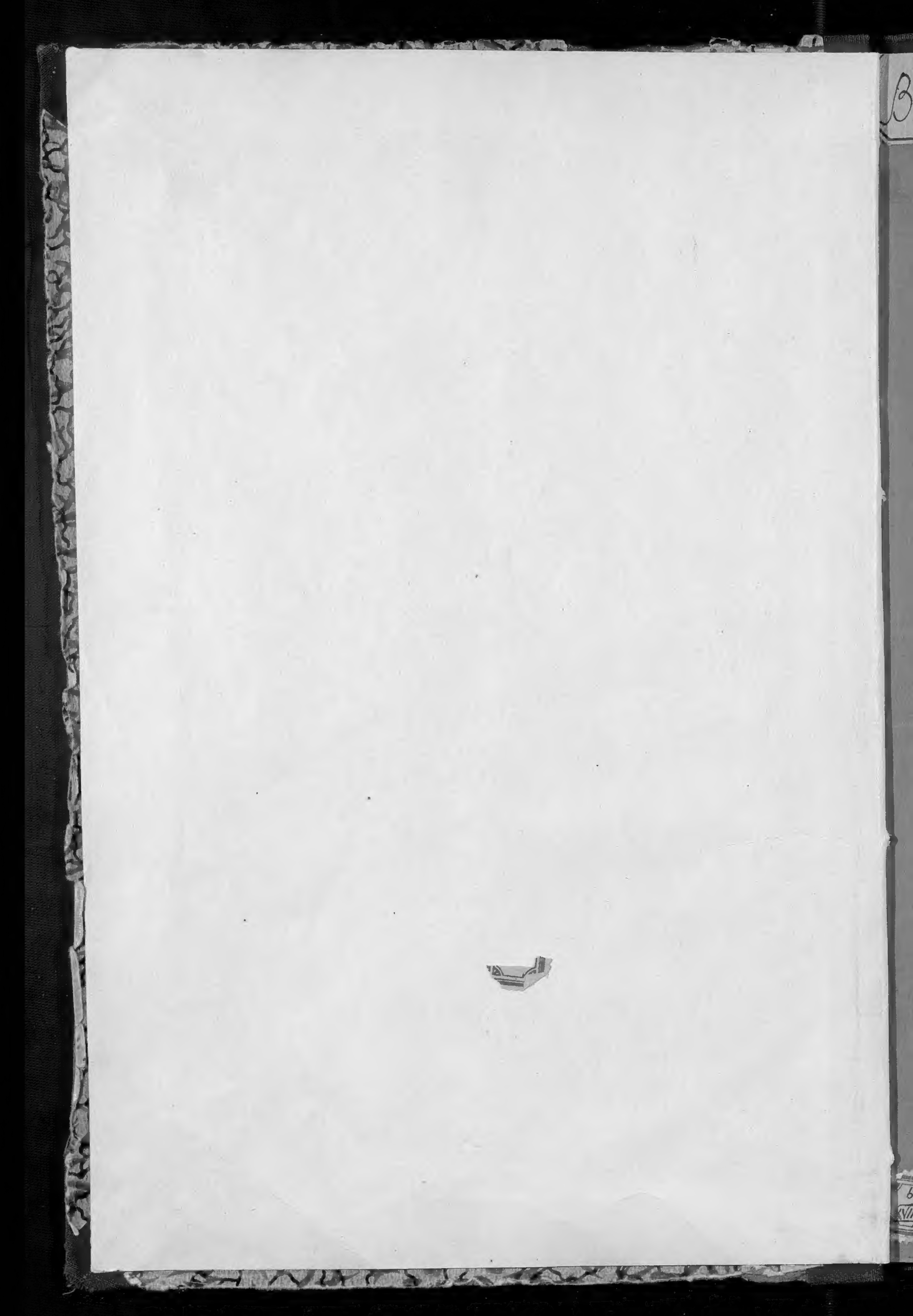

B137 — 416

Д. И. Багалѣй.

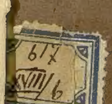
Къ исторіи заселенія и хозяйственнаго быта Воронежскаго и Курскаго края.

Отзывъ объ изслѣдованіи И. Н. Миклашевскаго „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства".

Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета о XXXVII присужденіи наградъ гр. Уварова».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1896.

Отзывъ объ изслѣдованіи И. К. Миклашевскаго:

„Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства". Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII в. М. 1894 г.

Д. И. Багалѣя.

Глава I-я. Задача, источники, пособія, пріемы изложенія и планъ автора.

Разбираемая книга представлена была авторомъ въ качествѣ диссертаціи на степень магистра сельскаго хозяйства, но оффиціальными оппонентами на диспутъ были приглашены, кромѣ представителя каѳедры сельскаго хозяйства, еще спеціалистъ-экономистъ (профессоръ Чупровъ) и спеціалистъ-историкъ (профессоръ русской исторіи Милюковъ). Уже отсюда видно, что сочиненіе это имѣетъ прямое отношеніе не только къ сельскому хозяйству, но и къ статистикѣ, и къ русской исторіи. Къ этому выводу приводитъ насъ и содержаніе книги; во введеніи самъ авторъ выясняетъ задачу и характеръ своего труда такимъ образомъ. «Въ предлагаемомъ изслѣдованіи мы имѣемъ въ виду изучить процессъ возникновенія и развитія землевладѣнія и земледѣлія въ небольшой части южной окраины Московскаго государства XVII столѣтія, составляющей въ настоящее время части губерній Курской и Воронежской и части мѣстностей, къ нимъ прилегающихъ» (1).

Г. Миклашевскій не согласенъ съ большинствомъ писателей, понимавшихъ подъ исторіей сельскаго хозяйства или исторію техническихъ усовершенствованій, или исторію правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ той же цѣли. И та, и другая сторона дѣла (т. е. техническія усовершенствованія и правительственныя мѣропріятія) не имѣли, по его мнѣнію, особенно важнаго значенія въ исторіи русскаго сельскохозяйственнаго быта и культуры (стр. 1—4). «*Исторія сельскаго хозяйства есть, думается намъ, исторія заселенія края и превращеніе дикихъ полей,*

луговъ и лѣсовъ въ культурное состояніе» (стр. 5). И затѣмъ эта мысль развивается далѣе такъ. «При посредствѣ какихъ силъ происходило это заселеніе и какія матеріальныя послѣдствія оно имѣло — это вопросы, на которые, по нашему мнѣнію, прежде всего должно отвѣтить историку сельскаго хозяйства. Ибо распашка полей, разведеніе скота, появленіе той или иной системы полеводства, равно какъ той или иной системы хозяйства и т. д. обусловливаются наличностью тѣхъ силъ и потребностей, съ которыми являются въ новый край первые его насельники, и прогрессивнымъ и регрессивнымъ развитіемъ этихъ силъ, съ одной стороны, и физико-географическими, историческими и экономическими условіями заселяемой страны, съ другой. Историку сельскаго хозяйства, думается намъ, нужно также всегда имѣть въ виду тѣ юридическія условія, въ которыя въ данную эпоху поставляются трудъ и земля, какъ основные и необходимые факторы сельскаго хозяйства, ибо въ зависимости отъ условій, въ которыя поставлены эти факторы, находится движеніе впередъ или назадъ самаго состоянія промышленной дѣятельности народа» (стр. 5). Ставя на первомъ планѣ исторію колонизаціи, авторъ, естественно, придаетъ своему сочиненію характеръ историческаго изслѣдованія; при такой постановкѣ вопроса, его трудъ прямо входитъ въ область русской исторіи. Съ другой стороны, вопросъ о землевладѣніи на украйнѣ относится къ исторіи русскаго права; слѣдовательно, также имѣетъ очень близкое отношеніе къ русской исторіи. Самъ г. Миклашевскій ставитъ свой трудъ въ ближайшую связь съ моими «Очерками по исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства». Сказавъ, что я смотрю на это сочиненіе, какъ на страницу для будущей исторіи русской колонизаціи, г. Миклашевскій прибавляетъ: «къ «страницѣ» г. Багалѣя мы хотѣли бы прибавить еще одну «страничку», въ которой мы попытались сгруппировать въ одно цѣлое нѣкоторыя данныя, касающіяся по преимуществу земледѣльческаго быта окраины XVII в.» (стр. 17).

Спрашивается: что можно сказать о такой постановкѣ вопроса? Не знаемъ, удовлетворитъ ли она вполнѣ спеціалистовъ сельскаго хозяйства. Быть можетъ, имъ она покажется нѣсколько односторонней, крайней, хотя и они едва ли могутъ возражать противъ важности и необходимости изученія исторіи сельскохозяйственной культуры въ связи съ исторіей колонизаціи и землевладѣнія. Заселеніе, землевладѣніе и земледѣліе связаны другъ съ другомъ неразрывными нитями, взаимно вліяютъ другъ на друга; нельзя изучать генезиса землевладѣнія и земледѣлія во вновь заселяемомъ краѣ, не изучивъ предварительно характера его колонизаціи, не познакомившись съ тѣми культурными задатками, которые переселенцы приносятъ съ собою на новыя мѣста жительства. Этотъ исходный моментъ, когда впервые скла-

дываются извѣстнымъ образомъ формы землевладѣнія и промышленности, несомнѣнно, представляетъ огромный интересъ и для специалиста по сельскому хозяйству, ибо для того, чтобы оцѣнить результаты культурныхъ усовершенствованій или законодательной дѣятельности правительства, направленной къ той же цѣли, необходимо знать, въ какія формы сложилось сельское хозяйство населенія въ первоначальное время, подъ вліяніемъ мѣстной природы, историческихъ условій и старыхъ культурныхъ привычекъ и традицій. Конечно, это нисколько не исключаетъ необходимости изученія дальнѣйшей судьбы сельскаго хозяйства какъ съ той точки зрѣнія, которой придерживается нашъ авторъ, такъ и съ той, которая имѣетъ въ виду техническія усовершенствованія или законодательныя мѣры. Государство оказало огромное вліяніе на исторію заселенія, землевладѣнія и даже земледѣлія древней Россіи и это вліяніе нужно изучать всесторонне: не только въ связи съ благотворными результатами, а и съ отрицательными и, такъ сказать, нейтральными. Въ особенности это слѣдуетъ замѣтить относительно Московской Руси, гдѣ роль центральнаго правительства и его органовъ была чрезвычайно велика и вмѣшательство въ народную жизнь было весьма замѣтно. Въ сущности между Московскимъ правительствомъ XVII в. и Петромъ Великимъ въ этомъ отношеніи нѣтъ такой рѣзкой разницы, какъ это обыкновенно принято думать. Правительственная опека надъ населеніемъ была и тогда очень велика...

Какъ бы то ни было, книга г. Миклашевскаго является историко-статистическимъ изслѣдованіемъ, касающимся одной изъ русскихъ окраинъ и можетъ (чтобы не сказать должна) быть разобрана специалистомъ по русской исторіи. Выборъ мѣстности для историческаго изслѣдованія (южной степной окраины) нельзя не признать весьма удачнымъ, какъ съ точки зрѣнія историка, такъ и съ точки зрѣнія специалиста сельскаго хозяйства. Заселеніе этого края, представлявшаго въ XV-мъ и I-й половинѣ XVI-го вѣка еще настоящую дикую степь, совершалось на глазахъ исторіи, которая сохранила о немъ много письменныхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, для историка трудъ г. Миклашевскаго дѣйствительно является новой страницей изъ исторіи русской колонизаціи, а для историка сельскаго хозяйства онъ представляетъ страницу изъ исторіи сельскохозяйственной культуры, начиная отъ ея первыхъ зародышей въ дикомъ полѣ, въ степной глуши и заканчивая формами, выработанными окраинною жизнью XVII в.

Здѣсь мы переходимъ къ вопросу объ источникахъ и пособіяхъ автора. На этомъ вопросѣ необходимо остановиться подробнѣе, такъ какъ имъ опредѣляются и содержаніе книги, и ея выводы, т. е. разрѣшеніе поставленной себѣ авторомъ задачи. Авторъ поставилъ своею цѣлью изученіе колонизаціи и хозяйственнаго быта Курскаго и Воронежскаго края; но такъ

какъ печатныхъ матеріаловъ для этого вопроса недостаточно, то онъ «предпочелъ обратиться къ первоисточникамъ вмѣсто того, чтобы извлекать изъ книгъ разныхъ писателей и ученыхъ тотъ небогатый матеріалъ, какой былъ въ ихъ распоряженіи» (стр. 19). Впрочемъ, какъ бы предвидя возраженіе, г. Миклашевскій дѣлаетъ дальше такую оговорку: «критика, говоритъ онъ, обратитъ, конечно, вниманіе на то, что въ этой книгѣ сдѣлано, быть можетъ, слишкомъ мало ссылокъ на литературу предмета. Въ этомъ однако авторъ можетъ быть обвиненъ всего менѣе» (стр. 19), и за тѣмъ слѣдуетъ приведенное нами выше мѣсто о недостаткѣ печатныхъ матеріаловъ. Тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе. Авторъ ставитъ вопросъ такъ, какъ будто ему приходилось дѣлать выборъ только между пособіями и архивными матеріалами или, какъ онъ выражается не совсѣмъ точно [1]), первоисточниками; но вѣдь, кромѣ пособій и архивныхъ данныхъ для избранной имъ темы, есть еще печатные источники, которые далеко не исчерпаны авторами разныхъ сочиненій; а если бы даже г. Миклашевскому показалось, что этотъ матеріалъ использованъ въ извѣстныхъ ему пособіяхъ, то и тогда онъ не долженъ былъ бы уклоняться отъ самостоятельнаго, критическаго его разсмотрѣнія, разъ онъ имѣетъ прямое отношеніе къ его вопросу, потому что изъ однихъ и тѣхъ же данныхъ дѣлаются часто, какъ извѣстно, неодинаковые выводы.

Посмотримъ теперь, въ какой полнотѣ г. Миклашевскій воспользовался печатными источниками и пособіями и нѣтъ ли у него здѣсь какихъ либо важныхъ пробѣловъ. Начинаемъ свой обзоръ съ источниковъ. Всѣ они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни относятся ко введенію и къ 1-ой главѣ книги г. Миклашевскаго, гдѣ рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ (напримѣръ, о сохѣ, четверти, писцовыхъ книгахъ и т. п.); другіе заключаетъ въ себѣ данныя о территоріи, служащей предметомъ прямого изученія нашего автора. И вотъ при подсчетѣ оказывается одинаковое количество тѣхъ и другихъ, хотя первые относятся къ какимъ-нибудь 50 страницамъ, а вторые къ 170 и при томъ наиболѣе существеннымъ въ книгѣ. Вообще, разсматривая печатные матеріалы, положенные г. Миклашевскимъ въ основу своего труда, мы невольно поражаемся скудостью ихъ. Вотъ перечень ихъ: Акты Московскаго государства, I и II, Книга большаго чертежа, Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ, хранящихся въ книгахъ разряднаго архива (Н. Н. Оглоблина), Акты, относящіеся къ Малороссіи (В. И. Холмогорова), Жалованныя грамоты Путивльскому Молченскому монастырю (въ Трудахъ Курс. Статис. Ком.), изданные мною «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины

1) Вѣдь и печатные источники — это то же первоисточники.

Московскаго государства», т. I и II, Орловскіе акты де-Пуле, Акты Воронежскаго края, изданные Второвымъ и Александровымъ-Дольникомъ, II и III и Писцовая книга по г. Воронежѣ, изданная Л. Б. Вейнбергомъ.

Спрашивается: исчерпывается ли этимъ весь печатный запасъ данныхъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ заселенію и хозяйственному быту Курскаго и Воронежскаго края? Нѣтъ! Правда, ихъ вообще не много, но все-таки авторъ упустилъ здѣсь кое-что весьма существенное. У него нѣтъ ни одной ссылки на огромную серію документовъ XVII в., относящихся спеціально къ территоріи Воронежскаго края и изданныхъ Л. Б. Вейнбергомъ — «Воронежскіе акты», изданные Воронеж. Губерн. Статис. Комит. т. I-й 1887 года, 16 выпусковъ «Матеріаловъ по исторіи Воронежской и сосѣдн. г.», «Матеріалы для исторіи г. Воронежа» въ Воронежскомъ юбилейномъ сборникѣ, т, I-й, стр. 201—275; не пользуется авторъ изданными мною въ 1893 г. «Замѣтками и матеріалами по исторіи Слободской украйны», гдѣ напечатано нѣсколько документовъ XVII в. относительно Курскаго края; оставляетъ безъ вниманія «Царскія грамоты на Корочу», а также «Матеріалы для исторіи Курской епархіи», напечатанные въ Курскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ арх. Анатоліемъ, заключающіе въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія для исторіи монастырской колонизаціи, грамоты XVII в., напечатанныя въ губернскихъ вѣдомостяхъ Дмитрюковымъ и т. п. Но независимо отъ полнаго игнорированія нѣкоторыхъ историческихъ источниковъ, г. Миклашевскій, какъ намъ кажется, недостаточно исчерпалъ и тѣ, которые были въ его распоряженіи, напримѣръ, «Воронежскіе акты» Второва и Александрова-Дольника — это по истинѣ драгоцѣнное собраніе, которое, можно сказать, положило прочное начало исторіи Воронежскаго края, или Орловскіе акты де-Пуле, дающіе такой богатый запасъ свѣдѣній о землевладѣніи на Украйнѣ.

То же самое мы должны сказать и объ отношеніи г. Миклашевскаго къ пособіямъ: онъ слишкомъ осторожно и скупо пользуется ими, по большей части только ссылаясь на нихъ, но не дѣлая оттуда выписокъ, между тѣмъ какъ отъ такихъ выписокъ могло бы выиграть его собственное сочиненіе. Авторъ, какъ мы видѣли, предубѣжденъ противъ пользованія пособіями и доходитъ въ своемъ воздержаніи, какъ намъ думается, до излишней крайности. Ему извѣстна, напримѣръ, спеціальная брошюра по исторіи сельскохозяйственной промышленности въ Воронежскомъ краѣ Л. Б. Вейнберга, но онъ пользуется ею очень мало (всего 3 ссылки), хотя она и заключаетъ въ себѣ достаточно цѣнныхъ свѣдѣній по интересующему его вопросу; то же нужно сказать и о статьяхъ по исторіи землевладѣнія г. Бѣлявскаго (въ Юрид. Вѣст. за 1888 годъ), профессора И. В. Лучицкаго (Сябры и сябренное землевладѣніе въ Малороссіи въ Сѣвер. Вѣстн. 1889 г.

№ 1 и 2), и о работахъ по исторіи однодворческаго сословія Германова и Я. Соловьева. А между тѣмъ если къ этимъ статьямъ присоединить еще работы Бѣляева (О сторожевой и станичной службѣ), Болховитинова (Историч., географич. и экономич. описаніе Воронежской губерніи), г. Чечулина (Города Московскаго гос. въ XVI ст.), мои «Очерки по исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московск. госуд.», г-жи Щепкиной (Тульскій уѣздъ въ XVII в.) профес. П. Н. Милюкова (Государственное хозяйство въ связи съ реформами Петра Вел.), г. Сторожева (Опись десятень), г. Гваздаво-Голомбіевскаго (Опись чертежей, хранящихся въ разрядѣ), Костомарова (Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа), то этимъ исчерпывается вся литература предмета, которою пользовался авторъ въ главной части своего изслѣдованія[1]) (2-й, 3-й, 4-й и 5-й гл.). И здѣсь опять-таки есть не мало пропусковъ; такъ, г. Миклашевскій совершенно игнорируетъ довольно обширную литературу, касающуюся исторіи Воронежскаго и Курскаго края и перечисленную отчасти въ цитируемомъ имъ же библіографическомъ сочиненіи «Источники и пособія для изученія Воронежскаго края», напримѣръ, историческія работы о г. Воронежѣ Неизвѣстнаго, Веселовскаго и Вейнберга, ст. Второва, Скіады, замѣтки по исторіи отдѣльныхъ городовъ (Исаева о г. Орловѣ, Дмитрюкова о г. Судже Курск. губ.), статьи по исторіи заселенія и землевладѣнія Воронежской губ. въ статистическихъ земскихъ сборникахъ, напримѣръ, Щербины «Заселеніе Острогожскаго края» (въ Сборникѣ Стат. Свѣд. по Ворон. губ.), замѣтки въ Курскихъ Губерн. вѣд. (Дмитрюкова) и т. п. Правда, кое-что изъ этого матеріала г. Миклашевскій, по всей вѣроятности, отложилъ для 2-й части своего труда, куда войдетъ спеціальное изслѣдованіе формъ землевладѣнія и вопросъ о повинностяхъ населенія; но это не измѣняетъ нашего заключенія о недостаточномъ эксплуатированіи имъ историческихъ пособій для болѣе яснаго и отчетливаго изображенія читателю излагаемыхъ имъ вопросовъ. Г. Миклашевскій можетъ на это замѣтить, что онъ не желалъ повторять уже извѣстнаго, тѣмъ болѣе что его трудъ имѣлъ спеціальное назначеніе (представлялъ изъ себя магистерскую диссертацію). Придавая значеніе этому обстоятельству, мы однако все-таки скажемъ, что и съ этой точки зрѣнія онъ былъ не совсѣмъ правъ, ибо, при изученіи самаго спеціальнаго вопроса, необходимо все-таки привлекать къ изслѣдованію и тотъ матеріалъ, который былъ уже раньше въ научномъ обиходѣ, а также считаться съ существующей литературой предмета, въ которой сдѣлана сводка матеріала и дано ему извѣстное освѣщеніе. Не говоримъ уже о тѣхъ неудобствахъ, которыя испытываетъ отъ

1) Мы не перечисляемъ здѣсь тѣхъ пособій, которыми пользуется г. Миклашевскій въ 1-ой и 2-ой гл. своего изслѣдованія въ виду болѣе общаго характера ихъ.

способа, усвоеннаго г. Миклашевскимъ, читатель: этого послѣдняго авторъ постоянно отсылаетъ за разъясненіемъ многихъ важныхъ подробностей къ разнымъ источникамъ и пособіямъ, которые ему не всегда извѣстны; въ результатѣ получается какая-то чисто-формальная связь между матеріаломъ книги г. Миклашевскаго и цитируемыми имъ источниками и пособіями, какая то отрывочность и сухость изложенія, оторванность отъ болѣе извѣстныхъ историческихъ фактовъ и обстоятельствъ. Говоритъ, напримѣръ, г. Миклашевскій, по своимъ источникамъ, о сябрахъ, дѣлаетъ указаніе на статью проф. Лучицкаго, посвященную сябренному землевладѣнію; но, благодаря слишкомъ краткому указанію и изложенію предмета, читатель не уясняетъ себѣ ни сущности сябренной формы землевладѣнія вообще, ни отношенія между фактами, сообщаемыми о немъ г. Миклашевскимъ и г. Лучицкимъ. Такія же послѣдствія происходятъ отъ слищкомъ краткаго извлеченія изъ статьи г. Бѣлявскаго. Впрочемъ, справедливость побуждаетъ насъ прибавить, что главные источники и пособія хорошо изучены г. Миклашевскимъ и изъ нихъ сдѣланы всѣ необходимыя извлеченія; въ особенности это нужно сказать относительно изданныхъ мною «Матеріаловъ». Затѣмъ на мои «Очерки» сдѣлано также много указаній — и тутъ г. Миклашевскій былъ совершенно правъ, дѣлая только ссылки на соотвѣтствующія страницы, такъ какъ моя книга вышла недавно и не представляетъ изъ себя библіографической рѣдкости, что нужно сказать относительно многихъ изъ тѣхъ статей, на которыя мы указывали выше.

Таковъ печатный матеріалъ въ книгѣ г. Миклашевскаго, но не онъ является фундаментомъ ея: въ основу ея положены архивные документы. Этими послѣдними авторъ пользовался такъ широко, что его сочиненіе смѣло могло быть названо изслѣдованіемъ по неизданнымъ матеріаламъ. Это привлеченіе новыхъ неизданныхъ источниковъ мы считаемъ главнымъ достоинствомъ разбираемой книги. Авторъ самъ говоритъ (стр. 17), что его данныя собраны были «путемъ довольно продолжительнаго изученія матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ и, главныхъ образомъ, въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи» (стр. 17—18). И это заявленіе вполнѣ подтверждается содержаніемъ его книги. Правда, въ ней мы видимъ матеріалъ, извлеченный исключительно изъ одного архива — Министерства юстиціи (нужно предполагать, что данныя изъ другихъ архивовъ, о которыхъ говоритъ г. Миклашевскій, войдутъ во 2-ю часть его работы); но извлеченіе его несомнѣнно должно было потребовать значительнаго времени и труда. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сдѣлать самый бѣглый его обзоръ. На первомъ мѣстѣ среди источниковъ г. Миклашевскаго слѣдуетъ поставить писцовыя, переписныя, дозорныя, строельныя книги тѣхъ городовъ и уѣздовъ, которые служатъ предметомъ его изученія: таковы — писцовыя,

переписныя, дозорныя книги г. Бѣлгорода и его уѣзда (1626, 1646, 1674, 1677, 1678 и 1686 гг.), Воронежа и его уѣзда (1615, 1629, 1646 и 1678 гг.), Валуйки съ уѣздомъ (1626 и 1628 г.), г. Путивля съ уѣздомъ 1626—1627, 1628—1629 гг.), г. Оскола съ уѣздомъ (1615, 1643, 1646 и 1691 гг.), а также г. Хотмыжска (1686 г.), Карпова (1648 и 1651 г.), Курска съ уѣздомъ (1685 г.), Яблонова (1647 г.), Корочи (1647 г.); къ нимъ нужно присоединить отказныя книги по Бѣлгородской губ. разныхъ городовъ, межевую книгу по г. Бѣлополью съ уѣздомъ (1682 г.), вѣдомости объ отписныхъ дворахъ (въ разрядныхъ вязкахъ), росписи великорусскихъ сведенцевъ и нововъѣзжихъ черкасъ (въ книгахъ бѣлгородскаго стола), грамоты, отписки воеводъ и т. п. въ столбцахъ бѣлгородскаго стола и разные документы въ другихъ отдѣленіяхъ архива (напримѣръ, въ дѣлахъ печатной конторы, въ разрядныхъ вязкахъ, въ десятняхъ, въ столбцахъ помѣстнаго приказа). Сюда нужно еще прибавить документы, которые не имѣютъ прямого отношенія къ описываемой г. Миклашевскимъ территоріи (напримѣръ, писцовыя книги по г. Ливнамъ, Бѣлеву, Рязани, Новосили, свѣдѣнія о десятинной пашнѣ въ г. Ельцѣ и др.). Среди всѣхъ этихъ документовъ первенствующее мѣсто, какъ это мы уже замѣтили выше, должно быть отведено писцовымъ, переписнымъ книгамъ, затѣмъ идутъ столбцы и книги бѣлгородскаго стола. Сравнивая списокъ писцовыхъ книгъ, которыми пользовался г. Миклашевскій, съ перечнемъ [1]), опредѣляющимъ наличность ихъ въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, мы приходимъ къ заключенію, что нашъ авторъ познакомился почти со всѣми ими и оставилъ безъ вниманія только немногія (почти исключительно тѣ, которыя захватывали небольшія пространства [2]). Такъ обстоитъ дѣло съ тѣми 5 уѣздами, подробнымъ описаніемъ которыхъ занимается г. Миклашевскій (бѣлгородскимъ, путивльскимъ, оскольскимъ, воронежскимъ и валуйскимъ). Такое же заключеніе мы должны дать о тѣхъ новыхъ уѣздахъ, которые возникли нѣсколько позже въ Бѣлгородскомъ и Воронежскомъ краѣ (корочанскомъ, хотмыжскомъ, бѣлопольскомъ и яблоновскомъ); относящіяся къ нимъ писцовыя книги также извѣстны г. Миклашевскому. Къ сожалѣнію, количество ихъ совершенно ничтожно и онѣ вовсе не захватываютъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ уѣздовъ, на которые дѣлился Бѣлгородскій и Воронежскій край въ самомъ концѣ XVII в. Это обстоятельство отразилось крайне неблагопріятно на содержаніи той части книги г. Миклашевскаго, которая должна была трактовать о населеніи этихъ областей въ концѣ XVII в.

---

1) Общій списокъ писцовыхъ книгъ помѣщенъ въ 1-мъ томѣ «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Минист. Юстиціи», стр. 1—304.

2) Такіе пропуски у него есть, напримѣръ, по путивльскому, оскольскому и воронежскому уѣздамъ.

Для г. Миклашевскаго этотъ моментъ (самый конецъ XVII в.) долженъ былъ имѣть чрезвычайно важное значеніе, и онъ обязанъ былъ бы подвести статистическіе итоги тому, что сдѣлано было для колонизаціи и сельскохозяйственной культуры въ теченіе XVII в. Но такихъ итоговъ мы у него но находимъ, также точно, какъ у него вообще очень скудны и совершенно случайны данныя изъ 2-й половины XVII ст. Очевидно, авторъ находился подъ вліяніемъ недостатка матеріаловъ: насколько обширны и систематичны были его свѣдѣнія о 1-й четверти XVII в., настолько недостаточны оказались данныя о 2-й половинѣ того же вѣка. Но нельзя не сказать при этомъ, что значительная часть вины падаетъ на самого г. Миклашевского. Изучая внимательно его книгу, всматриваясь въ ея планъ, невольно замѣчаешь, что онъ и не заботился особенно о томъ, чтобы матеріалъ его отличался извѣстною равномѣрностью; невольно получается впечатлѣніе, что авторъ находился во власти матеріала (а не возвышался надъ нимъ) и что это обстоятельство заставило его сосредоточиться главнымъ образомъ на 1-й половинѣ XVII ст., источники которой менѣе разбросаны и болѣе бросаются въ глаза изслѣдователю. Правда, писцовыхъ книгъ (въ собственномъ смыслѣ этого слова) по городамъ и уѣздамъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго края 2-й половины XVII-го вѣка не особенно много; но, во первыхъ, недостатокъ ихъ могъ быть пополненъ обиліемъ другихъ матеріаловъ, а, во вторыхъ, г. Миклашевскій и ими не воспользовался въ должной мѣрѣ. Историкъ городовъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго края располагаетъ значительнымъ и довольно разнообразнымъ матеріаломъ (кромѣ писцовыхъ книгъ) въ видѣ цѣлаго архива разряднаго приказа. Чтобы составить себѣ понятіе о богатствѣ заключающихся въ немъ документовъ для исторіи колонизаціи и хозяйственнаго быта южной окраины, достаточно внимательно перечитать превосходное обозрѣніе этихъ матеріаловъ, составленное Н. Н. Оглоблинымъ («Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа», 369, VI). Здѣсь отмѣчено не мало различныхъ документовъ, относящихся къ Бѣлгородскому и Воронежскому краю; таковы смѣтныя, годовыя смѣтныя книги, росписные списки, строельныя, оброчныя, сборныя книги, списки служилыхъ людей и десятни, росписи сторожъ, документы о струговомъ дѣлѣ. Чрезвычайно цѣнныя извѣстія находятся также въ столбцахъ разряднаго архива, къ сожалѣнію, совершенно еще не описанныхъ. Г. Миклашевскій далеко не исчерпалъ книгъ разряднаго архива и обратилъ преимущественное вниманіе на его столбцы; но само собою разумѣется, что благодаря отсутствію описанія ихъ, долженъ былъ идти ощупью и ограничиться болѣе или менѣе случайнымъ выборомъ; въ такомъ положеніи относительно столбцовъ былъ и я, когда собиралъ матеріалы для своей исторіи колонизаціи южной окраины.

Привлекши недостаточное количество источниковъ для 2-й половины XVII-го вѣка, г. Миклашевскій въ то же самое время (и въ этомъ уже только его вина) не извлекъ всѣхъ данныхъ объ этой эпохѣ изъ тѣхъ матеріаловъ, которые были въ его распоряженіи (изъ писцовыхъ книгъ 2-й половины этого столѣтія). Писцовыя книги могутъ дать цѣнный матеріалъ для исторіи заселенія и хозяйственнаго быта только въ томъ случаѣ, когда мы возьмемъ нѣсколько историческихъ моментовъ и сравнимъ ихъ между собою въ отношеніи статистическомъ; въ книгѣ же г. Миклашевскаго, можно сказать, отсутствуетъ самый важный (послѣ перваго) моментъ — конецъ XVII в., для котораго однако можно было бы найти не мало матеріаловъ какъ въ писцовыхъ книгахъ, такъ и въ книгахъ разряднаго архива. Затѣмъ не можемъ не отмѣтить и еще одного обстоятельства, которое повліяло на сокращеніе источниковъ г. Миклашевскаго: онъ почему-то игнорируетъ центральный городъ Бѣлгородскаго края — Курскъ, который всегда входилъ въ составъ «польской», т. е. полевой Украйны (объ этомъ мы еще скажемъ ниже). Одинъ рецензентъ, подвергшій книгу г. Миклашевскаго подробному разбору[1], ставитъ въ вину автору, что онъ ограничилъ себя только однимъ архивомъ, между тѣмъ какъ въ новѣйшихъ диссертаціяхъ по русской исторіи замѣчается какъ разъ противоположное теченіе. Придавая нѣкоторое значеніе этому обстоятельству, мы все-таки повторимъ, что и въ этомъ одномъ архивѣ г. Миклашевскій могъ бы найти гораздо болѣе данныхъ для своей работы, если бы задался цѣлью по возможности систематическаго изученія ихъ; между прочимъ онъ, повидимому, совсѣмъ не обращался къ хранящимся въ архивѣ дѣламъ бывшихъ уѣздныхъ судовъ Курской и Воронежской губерній, а между тѣмъ среди нихъ могли бы оказаться и документы XVII вѣка. Замѣтимъ кстати, что въ Курскѣ, въ архивѣ Губернскаго Правленія мы видѣли книги XVII в. Богатый дѣлами XVII ст. архивъ Воронежскаго статистическаго комитета, благодаря мѣстнымъ изслѣдователямъ, значительно разработанъ, хотя, быть можетъ, и не всѣ его документы еще изданы въ свѣтъ. Въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ имѣются столбцы XVII в., относящіеся къ Воронежской губ. (къ территоріи б. Острогожскаго Слободскаго казачьяго полка). Укажемъ также г. Миклашевскому на весьма цѣнный для него фамильный архивъ, принадлежащій гр. Михаилу Михайловичу Толстому въ гор. Одессѣ. Документы этого архива, относящіеся исключительно къ территоріи нынѣшней Курской и Харьковской губерній, описаны профессо-

1) Г. В. Владиславлевъ въ майской книжкѣ Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. за 1894 годъ.

ромъ А. И. Маркевичемъ[1]); нѣкоторые изъ этихъ документовъ въ спискахъ, доставленныхъ проф. Маркевичемъ, были посланы мною для печати въ Курскій статистическій комитетъ, но до сихъ поръ еще не появились въ свѣтъ. Быть можетъ, и въ Петербургской Публичной Библіотекѣ, и въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ нашлись бы также матеріалы для г. Миклашевскаго, но тѣ, которые отмѣчаетъ въ своей рецензіи г. Владиславлевъ, не относятся къ территоріи, которая служитъ предметомъ спеціальнаго его изученія (орловскій, елецкій и пронскій уѣзды[2]); что же касается столбцовъ Церковно-архелогическаго музея Кіевской Духовной Академіи, то они составляютъ, повидимому, часть такъ называемой Чугуевской[3]) переписки и касаются почти исключительно Слободской Украйны.

Таковы архивные матеріалы, которые остались недоступны г. Миклашевскому. Въ общемъ, однако, можно сказать, что онъ извлекъ все самое существенное и долженъ былъ потратить на это дѣло много труда. И собранный имъ матеріалъ имѣетъ серьезное научное значеніе. Весь онъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: статистическій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и историческій; преобладаетъ въ книгѣ первый (писцовыя, дозорныя и т. п. книги) и сомнѣнія могъ возбуждать только онъ, ибо грамоты, отписки воеводъ и аналогичные имъ историческіе источники, по своему документальному характеру, въ общемъ должны быть признаны вполнѣ достовѣрными. Иное дѣло писцовыя книги: тутъ и при вполнѣ добросовѣстномъ отношеніи къ своему дѣлу писцовъ XVII в., могли быть ошибочныя свѣдѣнія, цифры. Неудивительно поэтому, что г. Миклашевскій остановился на вопросѣ о достовѣрности писцовыхъ книгъ и, хотя вопросъ этотъ имѣетъ уже цѣлую литературу, хотя собственныя соображенія г. Миклашевскаго не отличаются особенною новизною, а подчасъ и прямо-таки оказываются несостоятельными[4]), тѣмъ не менѣе общій выводъ его, совершенно совпадающій съ заключеніемъ такого глубокаго знатока финансовой исторіи Московскаго государства, какъ проф. Лаппо-Данилевскій, едва ли можетъ быть оспариваемъ.

Переходимъ теперь къ пріемамъ изслѣдованія и плану изложенія. Дѣлая общее заключеніе о характерѣ работы г. Миклашевскаго, мы должны замѣтить, что она представляетъ нѣчто среднее между изслѣдованіемъ и

---

1) См. его брошюру «Описаніе актовъ, принадлежащихъ гр. Мих. Мих. Толстому», Одесса 1891, 53.

2) Журналъ Министерст. Народн. Просвѣщ., май, 1894 г. стр. 238.

3) Другая часть хранится въ Харьковскомъ Историческомъ архивѣ.

4) Г. Владиславлевъ доказываетъ, напримѣръ, несостоятельность доводовъ г. Миклашевскаго относительно сохи, обжи, пополняетъ его выводъ объ ошибкахъ въ геометрическихъ измѣреніяхъ.

историко-статистическимъ описаніемъ. Въ этомъ трудѣ слишкомъ видное мѣсто отведено описательному элементу, чтобы онъ могъ быть названъ изслѣдованіемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Конечно, и описаніе было необходимо; мы ничего не возражаемъ противъ принятой авторомъ системы отдѣльнаго описанія каждаго уѣзда; но при этомъ необходимо было бы сдѣлать общіе заключительные выводы, подвести итоги всѣмъ отдѣльнымъ описаніямъ, выбрать изъ нихъ типическія черты; а этого именно и не дѣлаетъ г. Миклашевскій. Благодаря этому и читатель не получаетъ общей картины украинскаго хозяйственнаго быта XVII в. и не можетъ рѣшить вопроса, въ чемъ же заключаются его особенности сравнительно съ бытомъ другихъ областей Россіи. Мы не отрицаемъ въ сочиненіи г. Миклашевскаго и элемента изслѣдованія, но только намъ кажется, что онъ проявляется спорадически, въ отношеніи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, но не проникаетъ всей книги. Мы не желаемъ этимъ сказать, что бы г. Миклашевскій представилъ собранный имъ матеріалъ въ совершенно сыромъ видѣ, in crudo; нѣтъ — совсѣмъ сырого матеріала у него немного; но намъ кажется, что обработка источниковъ у г. Миклашевскаго все-таки недостаточная, что онъ далъ намъ въ своей книгѣ только первоначальную сводку и группировку ихъ. Но само собою разумѣется, что и эта сводка потребовала отъ него много времени и труда и является въ высшей степени полезной и необходимой. Съ этимъ согласится всякій, кому приходилось разбираться въ архивныхъ документахъ историко-статистическаго характера. Сколько труда нужно было, напримѣръ, положить на то, чтобы превратить имянныя вѣдомости писцовой книги, касающіяся какого-нибудь города или селенія, въ небольшую сводную табличку, — а такихъ табличекъ мы находимъ цѣлую массу въ книгѣ г. Миклашевскаго; можно сказать, что они составляютъ особенность этого сочиненія и придаютъ ему характеръ настоящей статистической работы. Они замѣняютъ обычные историческіе выводы и итоги и въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны быть поставлены даже выше этихъ послѣднихъ. Вообще техническая разработка цифръ у г. Миклашевскаго стоитъ, по нашему мнѣнію, высоко — вездѣ, гдѣ нужно, онъ вычисляетъ проценты, самъ дѣлаетъ подсчеты итоговъ, сопоставляетъ цифры переписей въ сводныхъ таблицахъ и т. п. и даже въ приложеніяхъ даетъ статистическія данныя въ видѣ таблицъ. Наиболѣе слабымъ представляется намъ планъ сочиненія г. Миклашевскаго: онъ не отличается ни ясностью, ни выдержанностью, ни систематичностью. Мы видѣли, какую задачу поставилъ себѣ авторъ: онъ хотѣлъ изучить процессъ возникновенія и развитія землевладѣнія и земледѣлія въ связи съ исторіей заселенія Курскаго и Воронежскаго края (стр. 1). Какъ же выполняется эта задача?

Книга состоитъ изъ введенія и пяти главъ. Во введеніи авторъ касается нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ (задачъ, источниковъ) и здѣсь же даетъ характеристику состоянія Украины въ XVI ст. Въ I-й главѣ говорится вначалѣ о постройкѣ городовъ до смутной эпохи, а потомъ слѣдуетъ обширный экскурсъ въ область древней метрологіи и финансовой техники — рѣчь идетъ о сохѣ, четверти и писцовыхъ книгахъ. Вторая глава посвящена описанію 5-ти украинскихъ городовъ (Бѣлгорода, Воронежа, Оскола, Валуекъ и Путивля) въ I-й четверти XVII в., а въ концѣ ея говорится объ одной группѣ ихъ населенія — дворникахъ. Въ 3-й главѣ дается описаніе двухъ уѣздовъ — (бѣлгородскаго и оскольскаго) въ I-й четверти XVII в., 3-го (воронежскаго) во 2-й четверти того же вѣка, 4-го (путивльскаго) во 2-й и 3-й четверти того же вѣка; въ концѣ главы описываются нѣкоторые монастыри — Путивльскій Молченскій, Воронежскіе Акатовскій, Карачунскій и Борщевскій, и дается общее заключеніе о населеніи уѣздовъ. Въ 4-й главѣ говорится о заселеніи новыхъ городовъ во 2-й и 3-й четверти XVII вѣка, о черкасахъ, переселявшихся изъ Литвы и Польши въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, о сельскомъ хозяйствѣ у переселенцевъ въ XVII и нач. XVIII вѣка, о ихъ землевладѣніи, о числѣ крестьянъ и бобылей въ бѣлгородскомъ и оскольскомъ уѣздахъ въ 1-й и 2-й половинѣ вѣка. 5 глава посвящена спеціально хозяйственному быту населенія: тутъ говорится вкратцѣ объ отрицательныхъ условіяхъ его существованія и подробно о Государевой десятинной пашнѣ; послѣднія 2 страницы трактуютъ о чугуевскихъ виноградникахъ и бакчахъ. Уже изъ этого краткаго перечня можно убѣдиться въ невыдержанности и несистематичности плана. Органичивъ себя географическими и хронологическими рамками, г. Миклашевскій долженъ былъ уже держаться ихъ во всемъ изложеніи; но онъ этого не дѣлаетъ. Прежде всего читатель не знаетъ, почему онъ выбралъ тѣ пять городовъ, которые описываются во 2-й главѣ — Бѣлгородъ, Воронежъ, Валуйку, Осколъ и Путивль. Г. Миклашевскій хотѣлъ дать намъ исторію заселенія Курскаго и Воронежскаго края, но почему-то совершенно игнорируетъ г. Курскъ — центральный пунктъ области (а также Рыльскъ). Если же предположить, что онъ взялъ города такъ называемой «польской» (т. е. полевой) украйны, оставивъ въ сторонѣ «сѣверскую», то и тогда его списокъ будетъ заключать въ себѣ одинъ лишній городъ — Путивль, входившій въ составъ городовъ сѣверской украйны. Впрочемъ, для цѣлей автора подходили бы, по нашему мнѣнію, и города «польской» и города «сѣверской» украйны, и онъ могъ бы вовсе не стѣснять себя географическими рамками, если бы поставилъ своею цѣлью дать не фактическую исторію заселенія въ связи съ землевладѣніемъ и земледѣліемъ, а общую картину хозяйствен-

наго быта въ связи съ заселеніемъ и землевладѣніемъ. Чтобы себѣ не говорить, а главная задача его должна была состоять именно въ изученіи особенностей хозяйственнаго быта — ихъ генезиса и развитія, а не въ фактической исторіи колонизаціи. А если такъ, то ему удобнѣе было черпать свой матеріалъ изъ болѣе широкаго круга источниковъ, иными словами, расширить районъ своего изслѣдованія включеніемъ въ него и остальныхъ городовъ «польской» (Ельца, Ливенъ, Лебедяни) и «Сѣверской» украйны (кромѣ Путивля, Рыльскъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Брянскъ). Само собою разумѣется, что при такомъ планѣ не нужно было бы заниматься систематическимъ изслѣдованіемъ заселенія всей этой территоріи, а только пользоваться фактами для возсозданія типическихъ особенностей колонизаціоннаго процесса. Автора стѣсняли его географическія рамки; это видно изъ того, что онъ выходитъ за предѣлы намѣченной имъ территоріи и говоритъ о такихъ городахъ, которые не входили въ нее (напримѣръ, о Курскѣ, Ельцѣ).

Далеко не выдерживаетъ г. Миклашевскій и хронологическихъ рамокъ. Здѣсь коренная его ошибка, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что онъ слишкомъ мало остановился на одномъ изъ двухъ важнѣйшихъ моментовъ изслѣдуемой имъ эпохи — концѣ XVII в., когда населеніе достигло уже нѣкоторыхъ успѣховъ въ области сельскохозяйственной культуры. Теперь же его очеркъ колонизаціи оказывается неполнымъ, незаконченнымъ; въ немъ мы не находимъ даже систематическихъ данныхъ о новыхъ городахъ, сдѣлавшихся во 2-й половинѣ XVII в. центрами новыхъ уѣздовъ (корочанскаго, вольновскаго, болховскаго, яблоновскаго, острогожскаго, усердскаго, коротояцкаго и т. п.). Допустивъ такую неполноту для XVII в., г. Миклашевскій однако одинъ разъ беретъ данныя, относящіяся уже къ XVIII ст., т. е. раздвигаетъ свои хронологическія рамки (стр. 185—188). Ту же невыдержанность хронологіи мы замѣчаемъ и во многихъ другихъ случаяхъ: излагая цѣлый рядъ фактовъ, относящихся къ 1-й четверти XVII вѣка, онъ касается и 2-й, разсказывая о 2-й, приводитъ данныя изъ 3-й и даже 4-й (стр. 114, 120, 127, 130 и др.). Несистематичность изложенія выражается въ томъ, что авторъ не выдѣлилъ всѣхъ вопросовъ общаго характера въ особое введеніе, а говоритъ о нихъ и во вступительной, и въ 1-й главѣ; во введеніи говорится и объ общихъ вопросахъ, и о состояніи Украйны въ XVI в.; въ 1-й главѣ сначала разсказывается о постройкѣ городовъ, а потомъ снова идетъ рѣчь о вопросахъ общаго характера; въ 4-ой главѣ повѣствуется и о постройкѣ городовъ, и о населеніи уѣздовъ, и о хозяйствѣ, и о землевладѣніи ихъ; о городахъ идетъ рѣчь и во 2-й и въ 4-й главѣ. Эта несистематичность изложенія нѣсколько замаскировывается отсутствіемъ оглавленія (обстоятельство, отмѣченное уже г.

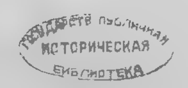
Владиславлевымъ), но мы увѣрены, что если бы г. Миклашевскій постарался составить такія оглавленія, то самъ бы ясно увидѣлъ этотъ недостатокъ своего сочиненія. Невыдержанность плана доказывается тѣмъ, что пообѣщавъ во введеніи говорить о землевладѣніи, онъ въ дальнѣйшемъ изложеніи только слегка касается этого основного вопроса и откладываетъ его до 2-го тома своего труда.

Глава 2-я. Содержаніе и выводы.

Покончивъ съ методологическою стороною труда г. Миклашевскаго, обращаемся къ разсмотрѣнію его содержанія и выводовъ. Во вступленіи, кромѣ соображеній о своихъ цѣляхъ и задачахъ, г. Миклашевскій даетъ еще общую характеристику южной степной окраины и ея заселенія въ XVI—XVII ст. Отмѣтивъ запустѣніе Курскаго и Воронежскаго края послѣ татарскаго нашествія, авторъ ставитъ вопросъ о причинахъ быстраго заселенія его въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ времени. Причины эти коренились, по его мнѣнію, съ одной стороны въ ослабленіи военно-политическаго могущества татаръ и усиленіи объединеннаго Московскаго государства, а съ другой во внутреннихъ измѣненіяхъ соціальнаго положенія народа въ сѣверовосточной и югозападной Руси; въ первой произошло закрѣпощеніе крестьянъ, вызвавшее бѣгство ихъ изъ центральныхъ областей въ юговосточныя окраины, а во второй тѣ же причины со включеніемъ религіозныхъ привели къ движенію населенія въ Запорожье, Приднѣпровье и наконецъ въ московскія степныя окраины; на этихъ-то послѣднихъ и произошла встрѣча двухъ колонизаціонныхъ потоковъ — великорусскаго и малорусскаго. Въ общемъ причины колонизаціи указаны г. Миклашевскимъ вѣрно; но въ деталяхъ есть преувеличенія, съ которыми нельзя согласиться. Г. Миклашевскій говоритъ, что послѣ завоеванія Казанскаго и Астраханскаго царства, съ Крымскимъ ханствомъ и Ногаями — «съ этими полукочевниками было уже сравнительно легко бороться Московскимъ Государямъ» (стр. 8). Но на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, борьба съ ними была очень трудна и въ общей массѣ потребовала большей затраты силъ и средствъ, чѣмъ покореніе Казани (не говоря уже объ Астрахани, которая была присоединена къ Россіи безъ особыхъ усилій). И самъ авторъ, повидимому, сознаетъ это, приводя на слѣдующей страницѣ выдержки изъ Устава о порядкахъ пограничной службы, ярко рисующаго опасности татарскихъ нашествій. «Упомянутый уставъ, говоритъ онъ, лучше всякихъ описаній рисуетъ намъ положеніе интересующаго насъ края во второй половинѣ XVI в.» Опасность отъ прихода «воинскихъ людей» была такъ велика, что сторожамъ окраины вмѣнялось въ непремѣнную обязанность «не

ссѣдати съ конь», воспрещалось «сварити каша два раза на одномъ и томъ же мѣстѣ» и предписывалось «въ коемъ мѣстѣ кто полдновалъ, и въ томъ мѣстѣ не ночевати» (стр. 9). Мы отъ себя еще прибавимъ, что и въ XVII в. украинное населеніе испытывало постоянную грозу татарскихъ нашествій — и это однако не останавливало не только военноправительственной, а и вольнонародной колонизаціи; очевидно, импульсы, двигавшіе населеніе къ окраинамъ, были сильнѣе страха передъ татарами. Конечно, импульсы эти были весьма разнообразные, и къ тѣмъ, которые указаны г. Миклашевскимъ, мы бы хотѣли присоединить еще два — географическій и психологическій. Границы русской земли должны были постепенно раздвигаться; но въ западномъ и отчасти сѣверномъ направленіи это расширеніе должно было встрѣтить препятствія частью политическаго, частью географическаго характера: на западѣ были сильные сосѣди, которые не позволяли двигаться сюда переселенцамъ изъ Московскаго государства; на сѣверѣ этому мѣшала природа мѣстности и климатъ; оставалось, слѣдовательно, два направленія — восточное и южное, гдѣ были или пустыя земли, или рѣдкое, слабое населеніе финновъ и татаръ-кочевниковъ; въ обоихъ направленіяхъ и сталъ энергично двигаться русскій народъ, тѣмъ болѣе что земли эти (въ особенности южныя) представляли изъ себя богатый край, съ тучнымъ черноземомъ, буйными травами, лѣсными оазисами, огромнымъ количествомъ рыбы, птицы, звѣрей и т. п. При этомъ русское населеніе, раздвигая свои предѣлы къ юго-востоку, въ сущности только возвращалось къ старымъ русскимъ пепелищамъ. Здѣсь слѣдуетъ вспомнить одну характерную особенность въ исторіи нашего юга, непосредственно примыкавшаго къ степямъ, искони служившимъ любимымъ убѣжищемъ для номадовъ. Въ то время какъ сѣверовосточная Русь дѣлала прочные и устойчивые шаги въ своемъ поступательномъ колонизаціонномъ движеніи въ область финновъ, Русь южная, имѣвшая дѣло съ воинственными тюрками-кочевниками, то сильно выдвигала свои поселенія въ степь, распространяя ихъ до самаго сѣвернаго побережья Чернаго и Азовскаго моря, то снова отступала передъ ними, какъ бы сжималась въ своей территоріи, но все-таки, конечно, помнила о старыхъ селищахъ и городищахъ. Монголо-татарское нашествіе представляло изъ себя одинъ изъ тѣхъ историческихъ моментовъ, когда южная Русь должна была особенно замѣтно сократить свое стремленіе къ югу. Но прошло три столѣтія — и это естественное стремленіе стало опять продолжаться. Русское населеніе опять стало разъѣзжать по той степи, гдѣ еще не забыты были старыя русскія названія рѣкъ и рѣчекъ, и намѣчать на ней мѣста своихъ будущихъ осѣдлостей, нерѣдко на старыхъ русскихъ городищахъ и урочищахъ; такимъ образомъ, это не было занятіе совсѣмъ чужихъ мѣстностей, — это было какъ бы своего

рода возвращеніе домой; геройскіе походы Адашева, Ржевскаго и Вишневецкаго напоминаютъ намъ аналогичную, хотя и окончившуюся печально попытку героя «Слова о полку Игоревѣ» — «поискати града Тмутараканя». Другой импульсъ былъ психологическій — это живая потребность у простого русскаго человѣка къ передвиженіямъ, къ переселеніямъ, дававшимъ ему возможность видѣть новыя мѣста и людей, испытать новыя условія существованія. Конечно, никогда, можно сказать, этотъ мотивъ не встрѣчался въ чистомъ его видѣ, а всегда почти соединялся съ другими (напримѣръ, матеріальными соображеніями); но все-таки нельзя на этомъ основаніи отрицать его важнаго значенія въ исторіи русской колонизаціи. Степь, съ ея волей и просторомъ, въ этомъ отношеніи имѣла особую прелесть для всякаго и должна была сильно дѣйствовать на фантазію; даже опасности имѣли своего рода привлекательность, ибо давали возможность совершить подвигъ, къ которому у всякаго энергичнаго, смѣлаго человѣка существуетъ невольное стремленіе; а переселенцами-колонистами оказывались именно такіе болѣе смѣлые, энергичные представители русскаго племени. При этомъ необходимо прибавить, что и малорусское племя, въ своемъ прошломъ, проявило такую же (если не большую) подвижность, страсть къ передвиженіямъ, какъ и великорусское; по крайней мѣрѣ и то, и другое выдѣлило изъ своей среды одинаково подвижной казацкій элементъ (Днѣпровское и Донское казачество), не говоря уже о вѣчно переходившихъ съ мѣста на мѣсто посполитыхъ, «мандрованыхъ» дьякахъ и т. п. Г. Миклашевскій, слѣдуя мнѣнію покойнаго Бѣляева, проводитъ слишкомъ рѣзкую грань между сторожевой и станичной службой XIV — XVI и ст. Объединеніе Русскаго государства подъ властью Москвы, конечно, должно было оказать огромное вліяніе и на выработку общей организаціи борьбы съ татарами. Но намъ кажется, что эта организація развивались постепенно, какъ постепенно объединялась и Русь, и самый уставъ о пограничной службѣ князя Михаила Ивановича Воротынскаго только развилъ и оформилъ то, что существовало уже и въ дѣйствительности. По крайней мѣрѣ приведенныя у Бѣляева данныя убѣждаютъ насъ въ томъ, что сторожи и станицы для наблюденія за движеніемъ татаръ существовали уже и въ XIV—XV в. Мало того: съ большою долею вѣроятности можно предполагать, что онѣ были и въ домонгольскій періодъ нашей исторіи, ибо и тогда уже съ полною силою дѣйствовала та основная причина, которая вызывала ихъ необходимость въ болѣе позднее время; и тогда было необходимо наблюдать за степью, чтобы половцы не явились «изгономъ» на наши украйны и не забрали въ плѣнъ жителей; полную аналогію позднѣйшимъ московскимъ украйнамъ представляютъ такія украйны древнерусскаго міра, какъ Переяславская или Кіевское Поросье, заселенное обрусѣвшими инородцами, игравшими роль пере-

дового оплота противъ нападеній болѣе дикихъ ихъ сородичей; въ лѣтописи употребляются даже самые термины — сторожа и украйна. Слѣдовательно, мы полагаемъ, что монгольское нашествіе и не могло вырвать съ корнемъ воспоминанія о старыхъ обиталищахъ руссовъ въ степной полосѣ — традиція сохранялась. Въ сущности перемѣнилось только населеніе степей — половцевъ замѣнили татары; но характеръ ихъ и ихъ новыхъ обитателей не измѣнился; осѣдлое русское населеніе, жившее на пограничьѣ, должно было испытывать постоянныя опасности, въ ожиданіи появленія различныхъ шаекъ. Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что и древняя домонгольская Русь имѣла свою систему защиты отъ кочевниковъ, въ общихъ чертахъ сходную съ той, какую мы видимъ здѣсь впослѣдствіи въ московскій періодъ. По крайней мѣрѣ и тамъ были боевыя границы, выступавшія въ степь и соотвѣтствовавшія полосѣ сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ послѣдующаго времени; и тамъ были чисто военные городки — острожки, заселенные ратными людьми и охотниками — звѣроловами; и тамъ были бродники, по характеру своему вполнѣ соотвѣтствовавшіе позднѣйшему казачеству и, быть можетъ, послужившіе даже его первоначальнымъ зародышемъ. Свое сужденіе о причинахъ, вызывавшихъ движеніе малорусскаго племени въ наши степи, г. Миклашевскій основываетъ на отзывахъ П. А. Кулиша и С. М. Соловьева, которые указываютъ на экономическіе и религіозные мотивы. Самъ г. Миклашевскій сознается, что въ немногихъ словахъ трудно охарактеризовать эти причины. И дѣйствительно его указанія отличаются слишкомъ общимъ, огульнымъ, такъ сказать, характеромъ, и въ нихъ не принята во вниманіе хронологія. То, что говоритъ г. Кулишъ, объясняетъ намъ движеніе населенія въ южныя украйны Рѣчи Посполитой — въ Приднѣпровье и Запорожье, но не въ предѣлы Московскаго государства. Переселеніе малороссіянъ изъ Рѣчи Посполитой въ предѣлы Московіи въ XVI ст. не было значительно: оно сдѣлалось интенсивнымъ только въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Что же касается движенія населенія къ южнымъ украйнамъ Польскаго государства, то здѣсь имѣла огромное значеніе одна причина, не указанная г. Миклашевскимъ — это переломъ въ сельскохозяйственной культурѣ, совершившійся тогда въ Польшѣ: прежде тамъ господствовало лѣсное хозяйство (пчеловодство, звѣроловство), доставлявшее весьма значительный доходъ крупнымъ владѣльцамъ; въ концѣ же XVI ст. пріобрѣло важное экономическое значеніе собственно степное земледѣльческое хозяйство и въ связи съ этимъ повысилось значеніе «украинскихъ пустынь» съ ихъ черноземомъ; это обстоятельство и привлекло въ нихъ шляхту, которая стала выпрашивать себѣ у королей грамоты на эти «пустыни», яко бы никѣмъ не заселенныя (на самомъ дѣлѣ онѣ въ значительной степени были уже колонизованы казаками,

мѣщанами и крестьянами); благодаря этому и здѣсь появились вмѣсто прежнихъ мелкихъ участковъ огромныя латифундіи, вмѣсто прежняго свободнаго труда — зависимыя отношенія. Подъ вліяніемъ этого жители украинъ и стали переселяться въ предѣлы Московскаго государства и селиться за чертою его владѣній — въ южной степной окраинѣ. Къ этому присоединились причины соціально-политическія и религіозныя, дѣйствовавшія главнымъ образомъ на казацкое сословіе и побуждавшія его, послѣ неудачныхъ возстаній, подавляемыхъ потоками крови, бросать навсегда родину и переселяться цѣлыми толпами въ чужое, но единовѣрное государство Московское.

Таково содержаніе введенія г. Миклашевскаго; отличаясь по необходимости общимъ характеромъ, оно естественно страдаетъ нѣкоторыми преувеличеніями и неточностями.

Первая глава сочиненія, по содержанію своему, носитъ также еще характеръ введенія. Здѣсь авторъ, сказавъ вкратцѣ о постройкѣ украинскихъ городовъ до смутнаго времени, трактуетъ главнымъ образомъ о писцовыхъ переписныхъ книгахъ, послужившихъ основнымъ матеріаломъ его изслѣдованія. «Основнымъ матеріаломъ нашего описанія городовъ и уѣздовъ окраины,» говоритъ онъ, «послужатъ составленные въ то время поземельные кадастры — писцовыя книги, и переписи тяглаго населенія, составленныя нѣсколько позднѣе, это такъ называемыя переписныя книги. Мы должны поэтому сдѣлать небольшое отступленіе и прежде всего познакомиться съ только что названными источниками и сдѣлать критическую оцѣнку матеріала, въ нихъ заключающагося. Ни терминологія, употреблявшаяся нашими предками, въ особенности въ писцовыхъ книгахъ, ни достовѣрность того статистико-экономическаго матеріала, съ какимъ приходится сталкиваться изслѣдователю XVII в., до сихъ поръ не могутъ претендовать на прочную ихъ установленность въ нашей ученой литературѣ, и потому мы, не боясь упрека въ томъ, что принуждены будемъ повторить здѣсь уже отчасти извѣстное, начнемъ нашъ анализъ съ уясненіи значенія смысла нѣкоторыхъ цыфръ и выраженій, съ которыми намъ придется имѣть дѣло при изученіи писцовыхъ книгъ. Мы разскажемъ далѣе вкратцѣ, какимъ образомъ собирались статистико-экономическія свѣдѣнія нашихъ предковъ XVII в. и отмѣтимъ главнѣйшіе типы этого рода источниковъ, имѣя въ виду, конечно, только южную окраину Московскаго государства. Мы должны, значитъ, прежде всего сдѣлать экскурсъ въ область древней метрологіи и финансовой техники» (стр. 28). Такъ самъ г. Миклашевскій формулируетъ содержаніе и задачу первой главы своей книги. И она дѣйствительно представляетъ изъ себя критическій экскурсъ въ область древней метрологіи и финансовой техники. Рѣчь идетъ здѣсь прежде всего о сохѣ и четверти, при чемъ авторъ особенно подробно останавливается на происхожденіи и уясне-

ніи загадочной «живущей четверти» и «пашни паханой», о которой постоянно говорится въ писцовыхъ книгахъ; затѣмъ указываются причины, вызывавшія описи и переписи тяглаго населенія въ XVII в., и порядки ихъ составленія. «Послѣднее намъ нужно,» говоритъ авторъ, «потому, что изученіе порядковъ собиранія статистико-экономическихъ свѣдѣній, такъ сказать, методъ этого собиранія въ большей мѣрѣ поможетъ намъ выяснить качества того матеріала, съ которымъ намъ придется имѣть такъ много дѣла» (стр. 47). Исторія составленія писцовыхъ и переписныхъ книгъ изложена авторомъ довольно ясно и обстоятельно. Способъ собиранія свѣдѣній, усвоенный писцами, приводитъ г. Миклашевскаго къ убѣжденію, что «цыфры писцовыхъ книгъ не могутъ претендовать на точность». «Такое же заключеніе приходится вывести, изучая вопросъ и съ другой стороны; а именно съ точки зрѣнія землемѣрной техники XVII в. (стр. 62). Цифры писцовыхъ книгъ, выражающія величину поземельныхъ владѣній, число дворовъ и населенія уменьшены сравнительно съ дѣйствительными. Этотъ выводъ вполнѣ сходится съ заключеніями профессора Лаппо-Данилевскаго. Но, прибавляетъ г. Миклашевскій, для современнаго изслѣдователя недостатки ихъ нѣсколько сглаживаются, и они остаются все-таки главнымъ и наиболѣе цѣннымъ источникомъ свѣдѣній для всякаго, кто изучаетъ хозяйственный бытъ нашихъ областей XVII (стр. 63).

Во второй главѣ (64—101 стр.) г. Миклашевскій даетъ описаніе по писцовымъ и переписнымъ книгамъ всѣхъ городовъ Бѣлгородской и Воронежской украйны въ I-й половинѣ XVII в. — Бѣлгорода, Воронежа, Оскола, Валуекъ и Путивля. Города эти, впрочемъ, описываются авторомъ не всесторонне, а только примѣнительно къ цѣлямъ и задачамъ труда — съ точки зрѣнія колонизаціи и хозяйственной дѣятельности населенія; единственнымъ матеріаломъ для описанія служатъ писцовыя книги. «Связывая себя такимъ образомъ,» говоритъ авторъ, «мы очень хорошо знаемъ, что наше описаніе проиграетъ въ полнотѣ и будетъ недостаточно, чтобы характеризовать города въ качествѣ культурно-соціальныхъ единицъ, но оно будетъ, думается намъ, вполнѣ достаточно для нашихъ цѣлей» (стр. 65). Описаніе всѣхъ перечисленныхъ выше городовъ составлено почти по одному и тому же плану, и это объясняется, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ основу каждаго изъ нихъ положены однородные по содержанію и характеру источники — писцовыя, переписныя и дозорныя книги. Прежде всего дается понятіе о самомъ городѣ, какъ объ укрѣпленномъ и заселенномъ пунктѣ. Города южной украйны, какъ и всѣ вообще московскіе города, состояли изъ «города» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. центральнаго укрѣпленія, изъ «острога», т. е. пространства, расположеннаго вокругъ города и обнесеннаго тыномъ, и, наконецъ, «посада», находившагося

за острогомъ и состоявшаго изъ слободъ; острогъ также состоялъ изъ слободъ, но въ посадскихъ слободахъ жили рядомъ со служилыми людьми и неслужилые (ремесленники, торговцы и т. п.). Впрочемъ, посадъ не составлялъ непремѣнной принадлежности украинскихъ городовъ (въ этомъ главное отличие ихъ отъ центральныхъ); посадъ былъ только въ Путивлѣ, Бѣлгородѣ и Валуйкѣ; въ Осколѣ и отчасти въ Воронежѣ посадъ сливался съ острогомъ; но настоящее посадское населеніе жило только въ Путивлѣ. Служилые люди раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ или группъ: стрѣльцы, казаки, станичные ѣздоки, пушкари, и т. д.; всѣ члены каждой группы жили вмѣстѣ и представляли изъ себя какъ бы маленькій мірокъ (имѣли даже свою церковь); главнымъ занятіемъ жителей было земледѣліе. Г. Миклашевскій подробно останавливается на землевладѣніи всѣхъ описываемыхъ имъ городовъ и сообщаетъ о немъ не мало любопытныхъ подробностей, по преимуществу статистико-хозяйственнаго характера. Оказывается, что каждая группа военно-служилыхъ людей получала общій земельный надѣлъ, при чемъ часть земель (меньшая) отводилась близъ города, а другая (болѣе значительная) вдали отъ него (такъ называемыя «отхожія» пашни, пахавшіяся «наѣздомъ»); такой двойной надѣлъ авторъ объясняетъ, по нашему мнѣнію, нѣсколько односторонне желаніемъ правительства удержать въ городахъ служилыхъ людей, предоставивъ имъ для обработки прежде всего пригородныя земли. Но, съ умиротвореніемъ края, «отхожія» пашни, по вѣрному замѣчанію г. Миклашевскаго, должны были привести къ обратному результату: выселенію горожанъ на свои отдаленные участки, т. е. другими словами, къ образованію поселковъ и деревень. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Миклашевскій отмѣчаетъ еще одну характерную черту этого украиннаго землевладѣнія — частныя перемѣны въ земельныхъ окладахъ служилыхъ людей, производимыя самимъ правительствомъ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ практическихъ соображеній. Обобщая собранные имъ факты о г. Валуйкѣ, г. Миклашевскій говоритъ: «самое населеніе принимало, повидимому, сравнительно небольшое участіе въ установленіи тѣхъ или иныхъ поземельныхъ порядковъ. Правительство, при посредствѣ своего чиновника — писца, имѣло всесильную власть надъ распорядками служилаго землевладѣнія, оставляя самому населенію распредѣленіе земли между отдѣльными лицами, и то лишь въ ограниченномъ размѣрѣ.... Затратившій на распашку земель свой трудъ служилый человѣкъ пользовался результатами его только до тѣхъ поръ, пока это допускало и терпѣло правительство. А послѣднее, если того требовала служба, не обращало вниманія на трудовой принципъ. Оно смѣшивало въ одну общую массу всѣ земли города, обработанныя и необработанныя, накладывало свою руку на огороды и дворы и предоставляло своему чиновнику распредѣлить ихъ соотвѣтственно

служебному значенію каждаго, «противу окладу», какъ тогда выражались» (стр. 93). Этотъ выводъ автора мы считаемъ весьма важнымъ и существеннымъ. Онъ констатируетъ такую же черту украинскаго великорусскаго землевладѣнія, какую мы отмѣтили въ своемъ трудѣ, посвященномъ заселенію Украйны (Очерки по исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства, т. I-й, Исторія колонизаціи) въ характерѣ ея колонизаціи — огромное руководящее вліяніе центральнаго правительства и его органовъ на внутреннюю жизнь и отношенія военнослужилаго сословія. Да иначе и быть не могло въ виду того, что главнымъ контингентомъ городского населенія являлись такъ называемые «сведенцы», т. е. лица, которыхъ переселяло сюда правительство. Относительно земельныхъ распорядковъ г. Миклашевскій сообщаетъ не много данныхъ: лѣса были въ общемъ владѣніи, — ими владѣли «вопче»; въ большинствѣ случаевъ, какъ уже сказано было выше, каждая группа населенія получала отдѣльно свой земельный надѣлъ; но иногда нѣсколько группъ соединялось для этой цѣли вмѣстѣ, напримѣръ, по мѣстнымъ топографическимъ условіямъ, хотя связь эта была чисто внѣшняя; общій итогъ земельныхъ надѣловъ для каждой группы постоянно указывается г. Миклашевскимъ, но онъ совсѣмъ почти не останавливается на вопросѣ, въ какой мѣрѣ эти надѣлы обезпечивали матеріальное благополучіе этихъ группъ и отдѣльныхъ лицъ, ихъ составлявшихъ. Выводы, которые касаются отдѣльныхъ городовъ, таковы. Бѣлгородъ представлялъ изъ себя въ I-й четверти XVII в. «крупное поселеніе, сильно укрѣпленное и населенное почти исключительно ратными людьми»; торговопромышленная дѣятельность въ немъ была развита очень слабо въ описываемое время (стр. 69). Въ противоположность ему Воронежъ уже въ 1615 г. является виднымъ торговымъ пунктомъ: большинство лавокъ въ немъ принадлежало не служилымъ, а торговымъ людямъ (стр. 79); Осколъ и Валуйка представляли изъ себя чисто военные пункты. Наконецъ, Путивль былъ замѣтнымъ торговопромышленнымъ центромъ и въ этомъ отношеніи не уступалъ Воронежу; его посадскіе люди вовсе не занимались земледѣліемъ, а только промыслами, ремеслами и торговлей. Такое значеніе Путивля объясняется тѣмъ, что это, во первыхъ, былъ старый городъ, а, во вторыхъ, имѣлъ обширныя связи съ литовскимъ порубежьемъ; это былъ 1-й эпапный пунктъ для литовскихъ выходцевъ. Чрезвычайно любопытна одна подробность, касающаяся города Путивля: въ немъ была церковь, поставленная Молченскимъ монастыремъ (находившимся въ уѣздѣ) «для осаднаго времени» (стр. 94) — яркое свидѣтельство тревожнаго состоянія, въ какомъ находился тогда этотъ уѣздъ. Чтобы дать полное понятіе о содержаніи 2-й главы изслѣдованія г. Миклашевскаго, замѣтимъ еще, что въ началѣ ея онъ касается спорнаго вопроса о томъ, какіе поселенные

пункты возникали раньше — города или селенія. Извѣстно, что по этому вопросу произошло разногласіе между мною и профессоромъ В. О. Ключевскимъ[1]). Къ сожалѣнію, г. Миклашевскій затрогиваетъ этотъ важный вопросъ мимоходомъ и не представляетъ отъ себя для него ни новыхъ данныхъ, ни новыхъ соображеній. Онъ указываетъ только на существованіе въ степяхъ, лежавшихъ далеко за предѣлами городовъ, казаковъ-звѣролововъ-промышленниковъ (въ юртахъ) и воровскихъ черкасъ и дѣлаетъ изъ этого слѣдующій выводъ: «было бы, кажется, ошибочнымъ утверждать, что города служили, такъ сказать, непремѣнными этапами разселенія, что уѣздныя поселенія возникли или только путемъ выдѣленія части городского населенія или только послѣ появленія городовъ, служившихъ имъ защитою отъ нападенія татаръ и другихъ воинскихъ людей. Безъ сомнѣнія и то, и другое имѣло мѣсто на Украйнѣ, но врядъ ли эти явленія были необходимы и неизбѣжны» (стр. 64). Существованіе юртовъ и проживательство въ степяхъ воровскихъ черкасъ было отмѣчено мною раньше; но нужно доказать еще связь этого рѣдкаго степного населенія съ возникновеніемъ селъ и деревенъ Украйны, между тѣмъ такихъ доказательствъ г. Миклашевскій не приводитъ ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ своей книги, гдѣ касается этого вопроса, несмотря на то, что пользуется такимъ богатымъ матеріаломъ, какъ писцовыя, дозорныя, строельныя книги. Мало того — г. Миклашевскій игнорируетъ еще одинъ важный факторъ въ процессѣ возникновенія городовъ и селеній — сторожевые и станичные пункты, изъ которыхъ могли возникать (и дѣйствительно возникали иногда) постоянныя мѣста осѣдлостей. Вопросъ о промышленникахъ, владѣвшихъ юртами, играетъ очень важную роль въ дѣлѣ первоначальной, вольной народной колонизаціи окраины и мы на немъ остановимся еще впослѣдствіи; но повторяемъ: одинъ фактъ существованія юртовъ еще не даетъ права сдѣлать заключеніе, что уѣздныя поселенія возникали раньше появленія городовъ. Мы склонны думать, что, вообще говоря, военно-служилая колонизація предшествовала мирной крестьянской. Въ доказательство противоположнаго мнѣнія приводились выдержки изъ писцовыхъ книгъ (по Воронежскому краю); теперь эти писцовыя книги использованы г. Миклашевскимъ; но изъ нихъ оказывается только, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежскаго края было довольно значительное количество крестьянъ (сравнительно съ другими уѣздами); а когда появились эти крестьяне, неизвѣстно; вѣроятнѣе же всего, они были переведены сюда ихъ помѣщиками; такое мнѣніе высказываетъ и самъ г. Миклашевскій. Въ концѣ главы г. Миклашев-

1) См. мою статью «Нѣсколько словъ о характерѣ колонизаціи южной степной окраины Московскаго государства» (Журналъ Министерства Народ. Просв., августъ, 1888 г.).

скій приводитъ свои соображенія о «дворникахъ», состояніе которыхъ онъ опредѣляетъ такъ: «дворничество представляется намъ состояніемъ, близкимъ къ тому, въ которомъ находились всѣ вообще вольные гулящіе люди... Писцы изоброчили этихъ людей и тѣмъ самымъ смѣшали ихъ съ общей массой посадскаго населенія» (стр. 101). По нашему мнѣнію, дворники представляютъ большую аналогію съ малороссійскими подсусѣдками, и характерно то, что въ составѣ украинскихъ дворниковъ мы встрѣчаемъ значительное число разнаго рода «прихожихъ» людей, въ томъ числѣ и малороссіянъ изъ Литвы и Польши; дворники, подобно подсусѣдкамъ, жили въ чужихъ домахъ (значитъ въ «сосѣдяхъ», отсюда и терминъ «подсусѣдокъ») и не имѣли собственной земли, а только иногда, опять-таки подобно подсусѣдкамъ, нанимали ее; оба эти класса (дворничество и подсусѣдчество) вызваны были къ жизни одними и тѣми же соціально-экономическими условіями, которыя съ особенною силою проявлялись на Украйнѣ, какъ среди великорусскаго, такъ и среди малорусскаго населенія. Въ Малороссіи подсусѣдчество сохранилось до настоящаго времени, вѣроятно, потому, что правительственное вмѣшательство въ народную жизнь, особенно съ фискальными цѣлями, въ ней было менѣе значительно, чѣмъ въ Великой Россіи; своихъ же «дворниковъ» Московское правительство старалось уничтожить, т. е. посадить въ тягло, перевести въ разрядъ посадскихъ людей еще въ XVII в. Такова вторая глава изслѣдованія г. Миклашевскаго. Она очень богата фактическимъ содержаніемъ и даетъ не мало важныхъ свѣдѣній о пяти городахъ южной окраины въ I-й четверти XVII в. Въ основу ея положенъ матеріалъ писцовыхъ книгъ и содержаніемъ этого источника опредѣляется и ея характеръ. Всесторонняго описанія городовъ авторъ не даетъ, потому что оно и не входило въ его задачу. Третью главу своего изслѣдованія г. Миклашевскій посвящаетъ описанію тѣхъ уѣздовъ, центрами которыхъ были описанные имъ выше города. Онъ опредѣляетъ занятую ими территорію, размѣры поселеній и составъ уѣзднаго населенія. Въ началѣ онъ высказываетъ любопытное замѣчаніе, что на разселеніе жителей оказывали вліяніе два естественные фактора — рѣки и лѣсъ; населеніе двигалось сюда первоначально по рѣкамъ и искало при этомъ для поселенія лѣсистыхъ мѣстностей; «не лѣсъ, а степь, говоритъ онъ, останавливала его движеніе» (стр. 102); для того же, чтобы избавить себя отъ труда по расчисткѣ лѣса, населеніе устраивало подчасъ свои деревни въ лѣсныхъ полянахъ (стр. 103). Въ административномъ отношеніи уѣзды обыкновенно дѣлились на станы, а въ Путивльскомъ уѣздѣ удержалось дѣленіе на волости. Г. Миклашевскій даетъ намъ описаніе четырехъ уѣздовъ (пропуская почему то пятый) — Бѣлгородскаго, Оскольскаго, Воронежскаго и Путивльскаго, опять-таки по писцовымъ и другимъ аналогичнымъ книгамъ, въ I-й

четверти XVII вѣка, при чемъ перечисляются станы и входящія въ составъ ихъ села, деревни, починки, указывается число дворовъ и составъ населенія въ нихъ, отмѣчаются владѣнія монастырей и церквей, говорится немного и объ уѣздныхъ укрѣпленіяхъ; впрочемъ, не всѣ уѣзды описаны одинаково подробно — Воронежскій и Путивльскій короче другихъ. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ относительно уѣздовъ, таковы. На огромномъ пространствѣ, занятомъ Бѣлгородскимъ уѣздомъ, было въ 1620 г. только 32 поселенія съ 874-мя дворами; въ томъ числѣ было 250 дворовъ помѣщичьихъ, 250 крестьянскихъ и 347 бобыльскихъ. «Почти всю массу помѣщиковъ составляли дѣти боярскіе»; на одного помѣщика въ среднемъ приходилось по 2 человѣка взрослыхъ крестьянъ и бобылей; слѣдовательно, они должны быть названы мелкопомѣстными. «Многіе изъ нихъ не имѣли ни крестьянъ, ни бобылей и обработывали землю личнымъ трудомъ» (стр. 109). Населеніе Оскольскаго уѣзда также состояло изъ дѣтей боярскихъ, но у нихъ вовсе почти не было крестьянъ и бобылей и это дѣлало ихъ однодворцами; «подъ этимъ названіемъ они фигурируютъ въ дозорной книгѣ Оскольскаго уѣзда» (стр. 111); мелкія поселенія преобладали въ Оскольскомъ уѣздѣ. Г. Миклашевскій объясняетъ это явленіе тѣмъ, что въ Бѣлгородскій уѣздъ, какъ болѣе важный и центральный, приходили для поселенія болѣе богатые помѣщики (стр. 114). Воронежскій уѣздъ отличался обиліемъ крестьянъ и бобылей; здѣсь ихъ было больше, чѣмъ въ Бѣлгородскомъ; заселялся онъ быстро и хозяйственныя выгоды его были столь значительны, что здѣсь устраивали себѣ помѣстья даже подъячіе московскихъ приказовъ, проживавшіе, конечно, въ Москвѣ. Въ Путивльскомъ уѣздѣ были крестьяне съ бобылями, но въ небольшомъ количествѣ. Характерною особенностью этого уѣзда является обиліе бортныхъ ухожаевъ. Г. Миклашевскій даетъ довольно подробное описаніе ихъ и также сообщаетъ свѣдѣнія о пасѣкахъ, постепенно, по его словамъ, начавшихъ замѣнять собою и вытѣснять бортныя деревья; и тѣ, и другія играли важную роль въ дѣлѣ колонизаціи края. Для своего описанія г. Миклашевскій пользуется частію данными, бывшими уже въ научномъ обиходѣ, а частію и вовсе еще неизвѣстными (извлеченными имъ изъ Московскаго архива Министерства Юстиціи). Нѣкоторые изъ нихъ очень интересны, напримѣръ, изображенія такъ называемыхъ знаменъ, т. е. натесовъ, сдѣланныхъ на бортныхъ деревьяхъ топоромъ; это напоминаетъ знаменія, которыя устраивала еще великая княгиня Ольга въ Новгородской области («и ловища ея суть по всей земли, и знаменія, и мѣста, и погосты» говорится въ Ип. Лѣт., стр. 38); глубокою древностью отзывается также особый видъ дани, называвшійся куницей, взимавшійся прежде натурою и напоминающій намъ древнерусскій сборъ бѣлокъ съ дыма («имаху

Козаре по бѣлѣ и вѣверицѣ тако отъ дыма» Ип. Лѣт. стр. 11); характерна также терминологія бортныхъ ухожаевъ; ими владѣли «по кабыцямъ», т. е. по очагамъ или по куренямъ; слово это малорусское — и оно свидѣтельствуетъ о томъ, что бортниками были во всякомъ случаѣ преимущественно малороссіяне; это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что пасѣки принадлежали также главнымъ образомъ «черкасамъ» (стр. 127—132). Пасѣки сыграли видную роль въ дѣлѣ земледѣльческой культуры: гдѣ была пасѣка, тамъ скоро появлялась пашня; служилые люди распахали не мало земель «изъ подъ пчельниковъ»; при описаніи пасѣки упоминаются, впрочемъ, не только пахатныя поля, но и другія угодья (напримѣръ, хмельники стр. 130). Все это напоминаетъ по характеру своему Донецкую волость, въ то время еще почти совсѣмъ не заселенную, но имѣвшую на своей территоріи нѣсколько юртовъ, т. е. земельныхъ угодій, гдѣ занимались звѣроловствомъ, рыболовствомъ и бортничествомъ. Точныя статистическія данныя объ этихъ юртахъ и соображенія о нихъ приведены уже въ моихъ «Очеркахъ», и г. Миклашевскій только повторяетъ ихъ [1]). Въ концѣ главы г. Миклашевскій сообщаетъ краткія статистическія свѣдѣнія о монастырскомъ хозяйствѣ и землевладѣніи первой половины XVII в. по писцовымъ книгамъ; рѣчь идетъ здѣсь о мон. Путивльскомъ Молченскомъ, Успенскомъ и Акатовскомъ (въ г. Воронежѣ), Карочунскомъ и Борщевскомъ (въ Воронежскомъ уѣздѣ) и наконецъ, Пристанскомъ (въ Валуйкѣ); самымъ богатымъ изъ нихъ оказывается первый. Цифра всего населенія края, по мнѣнію г. Миклашевскаго, не превосходила въ 1-й четверти XVII в. 45000 душъ обоего пола (стр. 140). Переходимъ теперь къ обозрѣнію содержанія и разбору 4-й главы изслѣдованія г. Миклашевскаго. Тутъ говорится о заселеніи городовъ во 2-й четверти XVII в. и о составѣ и землевладѣніи украинскихъ поселенцевъ. Въ первоначальный составъ городского населенія входили постоянные жители (жилецкіе люди) и временные обитатели; первымъ давались деньги на обзаведеніе, а также жалованье, но только до тѣхъ поръ, пока они не распахивали такого количества земель, какое имъ было нужно для ихъ обезпеченія; вторые получали ежегодное жалованье. Расходъ правительства на содержаніе тѣхъ и другихъ былъ очень великъ; на устройство 3-хъ городовъ съ окологородными укрѣпленіями въ 1637 г. потребовалось, напримѣръ, по разсчету дозорщи-

1) «Постараемся опредѣлить положеніе этихъ юртовъ на современной картѣ», говоритъ г. Миклашевскій (стр. 106); но это опредѣленіе было уже сдѣлано мною раньше, и почтенный авторъ не прибавляетъ отъ себя ничего новаго. Отмѣтимъ кстати нѣкоторыя неточности въ его названіяхъ: есть рѣка Харькова, а не Харьковская, но впадаетъ она не въ р. Удъ, а въ р. Уды; «по теченію р. Бабки», говоритъ г. Миклашевскій, «находились юрты Бабкинскій и Псецкій» (стр. 106); что такое этотъ Псецкій юртъ, мы не знаемъ; очевидно, тутъ какая-то опечатка.

ковъ, 111574 руб. 15 алт. и 24000 четвертей всякаго хлѣба. Пользуясь «строельными» книгами (частью изданными мною во 2-мъ томѣ «Матеріаловъ», а частью и неизданными) г. Миклашевскій сообщаетъ любопытныя данныя о первоначальномъ населеніи гг. Усерда, Хотмыжска и Карпова — о его составѣ и землевладѣніи. Между прочимъ въ Хотмыжскѣ, Карповѣ, Болховѣ и др. городахъ теперь оказались слободы дѣтей боярскихъ, т. е. той группы населенія, которая раньше не встрѣчалась въ городахъ степной окраины, а проживала только въ селахъ; крестьянъ и бобылей, впрочемъ, у нихъ не было. Чрезвычайно интересны свѣдѣнія нашего автора о такъ называемыхъ «сведенцахъ», т. е. лицахъ, переселяемыхъ самимъ правительствомъ въ новые города (стр. 152—159). Переселеніе это имѣло принудительный характеръ. Но и послѣ такого переселенія правительство оказывало сильное вліяніе на ихъ бытъ; такъ, оно не останавливалось передъ самыми суровыми мѣрами, чтобы заставить поселенцевъ распахивать свои земли.

Г. Миклашевскій сообщаетъ намъ чрезвычайно важныя экономическія данныя о «сведенцахъ» переселенныхъ въ гг. Карповъ и Новый Осколъ, — о ихъ семейномъ и сословномъ составѣ, о количествѣ приведеннаго ими съ собою скота и отчасти о размѣрѣ ихъ земельныхъ надѣловъ (стр. 159—166); дополненіемъ этихъ свѣдѣній являются данныя (къ сожалѣнію, очень краткія) о переселеніи отдѣльныхъ лицъ: г. Миклашевскій приводитъ всего одинъ примѣръ ссылки на украйну уголовнаго преступника, между тѣмъ какъ подобные случаи представляютъ большой интересъ и желательно было бы имѣть о нихъ побольше фактовъ. Особое мѣсто занимали черкасы, добровольно переселявшіеся въ Московскія украйны. Къ тѣмъ фактамъ, которые собраны были мною, г. Миклашевскій присоединяетъ еще нѣсколько новыхъ. Наиболѣе любопытны его свѣдѣнія объ имущественномъ достаткѣ Коротояцкихъ, Урывскихъ, Острогожскихъ черкасъ и, наконецъ, той партіи ихъ, мѣсто поселенія которой было неизвѣстно (стр. 171—177). Приведя эти статистическія данныя, г. Миклашевскій производитъ любопытное сопоставленіе цифръ, касающихся великорусскихъ и малорусскихъ переселенцевъ въ отношеніи семейнаго состава и количества скота. Изъ него оказывается, что «великорусская семья была среднимъ числомъ въ полтора раза болѣе малорусской» (стр. 178). Этотъ выводъ пріобрѣтаетъ особенную важность въ виду того, что вопросъ о составѣ древней малорусской семьи является далеко не выясненнымъ; теперь же изъ данныхъ г. Миклашевскаго оказывается, что малороссы переселялись въ Украйну изъ Польши малыми семьями, состоявшими въ среднемъ всего изъ 4—5 человѣкъ обоего пола; скота малорусскіе поселенцы приводили съ собою меньше, чѣмъ великорусскіе; да это и понятно, если обратить вниманіе на

то, что имъ нужно было проходить большія пространства раньше, чѣмъ достичь отведенныхъ пунктовъ.

Но вообще распредѣленіе скота и земли, какъ у великорусскихъ, такъ и у малорусскихъ переселенцевъ было довольно равномѣрное: преобладало мелкое хозяйство и землевладѣніе. Изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства въ государевой посопной волости привело г. Миклашевскаго къ убѣжденію, что благосостояніе ихъ было очень велико, гораздо выше благосостоянія крестьянъ любой полосы современной Россіи (стр. 185). Но этотъ выводъ, на нашъ взглядъ, недостаточно обоснованъ авторомъ и держится не столько на прямыхъ, сколько на косвенныхъ данныхъ и соображеніяхъ; во всякомъ случаѣ онъ какъ-то не мирится съ незначительнымъ размѣромъ у нихъ озимыхъ посѣвовъ и недостаточнымъ количествомъ лошадей (стр. 185). Хозяйство въ южной украйнѣ велось обыкновенно экстенсивнымъ образомъ: служилые люди распахивали только часть тѣхъ земель, которыя были въ ихъ распоряженіи; чрезполосица составляетъ также ихъ характерную особенность, являясь результатомъ отвода земель однимъ и тѣмъ же лицамъ въ разныхъ мѣстахъ. Землевладѣніе находилось въ тѣснѣйшей связи со службою и рѣшительное вліяніе на него оказывало правительство: сегодняшній пушкарь могъ сдѣлаться завтра казакомъ и получалъ надѣлъ, соотвѣтствующій его новому служебному положенію; различныя группы владѣли землею сообща («вопче»), «но доля каждаго изъ нихъ опредѣлялась не по принципу равноправности, ни на основаніи трудового принципа, а по тому значенію, какое имъ придавалось въ государственной жизни» (стр. 189). Въ первоначальномъ своемъ видѣ землевладѣніе на южной окраинѣ Московскаго государства находилось въ полной зависимости отъ системы поселенія и способа отвода земли, практиковавшагося въ то время въ интересахъ службы. Сами служилые люди называютъ себя по отношенію къ землевладѣнію «сябрами» или «себрами», т. е. товарищами (стр. 192).... «Такимъ образомъ, на южной окраинѣ складывались порядки землевладѣнія очень похожіе, если не совершенно тождественные съ тѣми, которые описаны профессоромъ Лучицкимъ для старой Малороссіи» (стр. 195). Далѣе г. Миклашевскій заявляетъ, что болѣе подробное изученіе порядковъ землевладѣнія не входитъ въ его нынѣшнюю задачу, и потому онъ ограничивается приведенными данными и соображеніями. Нельзя не пожалѣть объ этой краткости; благодаря ей у читателя не складывается опредѣленнаго представленія о системѣ землевладѣнія на Украйнѣ: указаніе же на сходство или даже тождество его съ сябринными формами старой Малороссіи приходится просто принимать на вѣру. При томъ и это сябринное землевладѣніе еще не изучено должнымъ образомъ, хотя оно, по-

видимому, существовало на Руси уже въ глубокой древности[1]). Во всякомъ случаѣ, кромѣ подробнаго изученія особенностей этого землевладѣнія, необходимо еще изучить степень его распространенности на Украйнѣ; необходимо также выяснить, въ какой мѣрѣ оно захватывало различные виды земель и промысловъ — пахатныя поля, лѣса, сѣнокосы, мельницы и т. п.

Почти ничего новаго не сообщаетъ г. Миклашевскій о малорусскомъ землевладѣніи Украины и не рѣшаетъ даже вопроса о томъ, существовала ли какая-нибудь разница между имъ и четвертнымъ землевладѣніемъ великорусскихъ служилыхъ людей. Между тѣмъ было бы чрезвычайно важно опредѣлить, имѣло ли мѣсто здѣсь то заимочное землевладѣніе, которое характеризуетъ земельные распорядки черкасъ Слободской украйны; въ особенности интересно было бы разрѣшить этотъ вопросъ относительно Острогожскаго слободскаго полка, возникшаго, какъ извѣстно, на территоріи Воронежскаго края бокъ о бокъ съ великорусскими ея уѣздами. Едва ли можно согласиться также съ тѣмъ освѣщеніемъ, которое придаетъ г. Миклашевскій положенію черкасъ, жившихъ за путивльскими помѣщиками. Онъ видитъ въ нихъ готовыхъ кандидатовъ въ крѣпостные; но между ихъ положеніемъ и положеніемъ крѣпостныхъ была цѣлая пропасть, ибо черкасы пользовались правомъ вольнаго перехода; «закликанье же на слободы» въ XVII в. не могло еще быть особенно опаснымъ, потому что само правительство, въ интересахъ обороны края, было противъ закрѣпощенія вольныхъ малороссіянъ.

Относительно великорусскихъ крестьянъ и бобылей г. Миклашевскій приводитъ интересный статистическій выводъ, что число ихъ въ Бѣлгородскомъ, Оскольскомъ и Воронежскомъ уѣздахъ постепенно уменьшалось, а бывшіе владѣльцы-помѣщики превращались въ однодворцевъ.

Въ 5-й и послѣдней главѣ г. Миклашевскій сообщаетъ дополнительныя свѣдѣнія о хозяйствѣ южной окраины. Напомнивъ, что хозяйство это, вообще говоря, было преимущественно мелкое и экстенсивное и что крупными владѣльцами являлись здѣсь только монастыри, правительство и отчасти помѣщики-малороссы; авторъ указываетъ на тѣ причины, которыя мѣшали благосостоянію населенія: это были, кромѣ татарскихъ нашествій, неурожаи и болѣзни; къ сожалѣнію, онъ не останавливается

---

1) Первое упоминаніе о сябряхъ встрѣчается въ недавно изданномъ литературномъ памятникѣ XII в. — «Посланіи митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ» (Пам. древней письменности); тутъ говорится о тѣхъ, кои «прилагаютъ домъ къ дому и села къ селомъ, изгои же и сябры и борти, и пожни, ляда же и старины»; любопытно также здѣсь выраженіе ляда; это особый видъ хозяйства на лядинныхъ земляхъ, широко практиковавшійся въ древней Сѣверщинѣ, т. е. въ той области, въ которой было особенно много сябровъ.

на нихъ съ должнымъ вниманіемъ, хотя, по нашему мнѣнію, необходимо было разобрать вліяніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Весьма подробно зато г. Миклашевскій говоритъ о хозяйствѣ на государевыхъ земляхъ — о такъ называемой *«десятинной пашнѣ»*. Десятинною она называлась потому, что не была положена въ четверти, какъ не подлежавшая обложенію. Вызывалась она необходимостью имѣть большіе хлѣбные запасы для выдачи корма служилымъ людямъ на окраинѣ. Обрабатывали ее частью временно служилые, частію жилецкіе, а частью и наемные люди; для этого былъ необходимъ живой и мертвый инвентарь (скотъ, орудія). Но любопытнѣе всего то, что урожаи на этой «десятинной пашнѣ» были очень скудные, гораздо скуднѣе нынѣшнихъ; въ Ельцѣ, напримѣръ, рожь родилась въ среднемъ самъ 2,2, а овесъ самъ 1,5 (стр. 231). Г. Миклашевскій объясняетъ это странное явленіе крайне несовершенными пріемами обработки (между прочимъ отсутствіемъ удобренія), находившимися въ зависимости отъ обязательнаго характера этой повинности. «При непримѣненіи удобренія и трехъпольномъ сѣвооборотѣ, въ какомъ несомнѣнно находилась десятинная пашня на Ельцѣ», говоритъ г. Миклашевскій», низкіе урожаи не представляютъ изъ себя чего-либо непонятнаго» (стр. 233). Мы совершенно не компетентны въ вопросахъ, касающихся земледѣльческой культуры, и должны здѣсь полагаться in verba magistri; но для насъ все-таки не вполнѣ убѣдительна аналогія прежняго времени съ нынѣшнимъ; теперь сѣрыя земли могутъ давать большіе урожаи, чѣмъ черноземныя, благодаря отсутствію на этихъ послѣднихъ удобренія. Но могло ли имѣть такое важное значеніе удобреніе въ XVII в. на и безъ того тучномъ украинскомъ черноземѣ, о которомъ самъ же г. Миклашевскій приводитъ слѣдующее характерное извѣстіе: Карповскій воевода въ 1647 г. «разодралъ» 50 десятинъ ковылья (цѣлины) драгунскими лошадьми, но при этомъ многія лошади пали (стр. 220).

Послѣднія 2 страницы 5-й главы заняты извѣстіями о чугуевскихъ виноградникахъ и арбузныхъ огородахъ (235—236), о которыхъ, впрочемъ, сообщались уже тѣ же свѣдѣнія въ моихъ «Очеркахъ».

Глава 3-я. Пробѣлы въ трудѣ г. Миклашевскаго.

Уже изъ представленнаго нами краткаго обозрѣнія содержанія разбираемой книги можно убѣдиться, что авторъ и не стремился къ тому, чтобы дать систематическое изслѣдованіе колонизаціи, землевладѣнія и хозяйственнаго быта въ избранной имъ мѣстности: онъ рѣшилъ сообщить только новые собранные имъ матеріалы по этимъ вопросамъ; при этомъ онъ от-

казался даже отъ одной изъ поставленныхъ первоначально себѣ задачъ (подробнаго изученія формъ землевладѣнія); что касается исторіи колонизаціи и хозяйственнаго быта, то и здѣсь у него, въ силу указаннаго выше свойства, не мало существенныхъ пробѣловъ. Эти пробѣлы являются прямымъ послѣдствіемъ недостаточнаго эксплуатированья источниковъ и пособій. Для насъ совершенно ясно, что если бы г. Миклашевскій постарался исчерпать всѣ печатные источники и пособія и нѣсколько расширилъ кругъ своихъ розысканій въ архивѣ Мин. Юстиціи, то онъ могъ бы дать весьма полную и всестороннюю картину хозяйственнаго быта южной окраины, взамѣнъ своихъ нынѣшнихъ отрывочныхъ, хотя и чрезвычайно важныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ читатель все-таки не можетъ составить себѣ полнаго отчетливаго представленія объ экономической жизни и культурѣ этого уголка Россіи въ XVII в. Здѣсь невольно хочется сопоставить трудъ г. Миклашевскаго съ аналогичнымъ трудомъ б. секретаря воронежскаго статистическаго Комитета Л. Б. Вейнберга, заявившаго себя цѣлымъ рядомъ изданій и работъ по исторіи Воронежскаго края. Книжка его носитъ слѣдующее заглавіе: «Очеркъ сельскохозяйственной промышленности Воронежской губерніи. Выпускъ первый (XVI — XVIII в.)». Въ ней мы находимъ именно опытъ систематическаго изложенія сельскохозяйственной промышленности, основанный на всей совокупности доступныхъ автору матеріаловъ (печатныхъ и мѣстныхъ архивныхъ). Задавшись цѣлью систематическаго изученія этихъ послѣднихъ, Л. Б. Вейнбергъ, естественно, достигъ тутъ значительной полноты; онъ коснулся разныхъ сторонъ хозяйственнаго быта Воронежскаго края, давъ собственно о хозяйственной культурѣ болѣе обильныя свѣдѣнія, чѣмъ г. Миклашевскій. Говоря это, мы не сравниваемъ обоихъ сочиненій по существу (для этого намъ нужно было бы остановиться столь же внимательно на книгѣ г. Вейнберга, какъ это мы сдѣлали съ сочиненіемъ г. Миклашевскаго); —мы только отмѣчаемъ разницу ихъ методовъ и результаты этой послѣдней. Не принимая на себя труда систематическаго пополненія всѣхъ пробѣловъ въ книгѣ г. Миклашевскаго, мы постараемся это сдѣлать относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ: —остановимся попробно, съ одной стороны, на промысловой колонизаціи, а съ другой, отмѣтимъ нѣкоторыя болѣе важныя черты сельскохозяйственной культуры великорусскихъ и малорусскихъ переселенцевъ края.

Высказавъ совершенно вѣрное положеніе, что хозяйственный бытъ населенія опредѣлялся уже въ первоначальный моментъ заселенія края, г. Миклашевскій почти вовсе не останавливается на одномъ видѣ колонизаціи, который имѣетъ чрезвычайно важное значеніе и самъ по себѣ и вмѣстѣ съ

тѣмъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ сельскохозяйственною промышленностію. Я имѣю въ виду такъ называемые юрты или ухожаи, служившіе первичною формою колонизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйственной промышленности. Объ этихъ юртахъ и ухожаяхъ г. Миклашевскій говоритъ при описаніи Донецкой волости (106—107 стр.) и Воронежскаго уѣзда (115 стр.), но очень кратко и бѣгло, не прибавляя, какъ мы видѣли уже, отъ себя ничего къ тому, что сказано было въ нашихъ «Очеркахъ». Опредѣленіе юртамъ здѣсь дается такое: «слово «юртъ» обозначаетъ, кажется, болѣе или менѣе обширную территорію, съ очень неопредѣленнымми границами, но составляющую все-таки одно хозяйственное цѣлое. Кажется, «въ юртахъ» земледѣліемъ не занимались. Это были области, назначенныя исключительно для бортничества, звѣроловства и рыболовства» (стр. 106). Такимъ характеромъ отличалась какъ Донецкая волость съ ея юртами, такъ и южная часть Воронежскаго края съ его ухожаями; первые правительство жаловало разнымъ лицамъ взамѣнъ четвертной пашни, а вторые сдавало на оброкъ съ «наддачи».

Юрты и ухожаи занимали огромныя пространства еще не заселенной территоріи, куда владѣльцы ихъ, жители окраинъ, ѣздили на промыслы и оставались тамъ извѣстную часть года (вѣроятнѣе всего весною и лѣтомъ). Отсюда возникло, нужно думать, и самое названіе ихъ — ухожаи или входы, т. е. мѣста, куда ходили на промыслы. Вотъ древнѣйшее свидѣтельство о воронежскихъ ухожаяхъ. «Въ Резанскихъ въ писцовыхъ книгахъ Михаила Пушкина съ товарищи 93 году (1583 г.) написано: Резанскаго уѣзду села Ворыщъ за бортники — Демки Айдарова сына Панина да Игнатки Инютина сына Кочапина да Ивашки Олексѣева сына Ларивонова, за ними на оброкъ бортныхъ ухожеевъ да рыбныхъ: Ивашко Алексѣевъ сынъ Милкинъ, Өедоска Өөонасьевъ сынъ Корыгинъ ходятъ лѣсъ бортной на Воронежѣ, Радчинской ухожей да Сѣкинской, два знамени — знамя крестъ косой наверху два рубежа да знамя крестъ косой же въ споди рубежъ, на верху рубежъ же; оброку съ тѣхъ знаменъ пять пудовъ меду. Демка да Гришка Өөонасьевы дѣти Айдарова, Ивашко Григорьевъ сынъ Степанова ходятъ лѣсъ бортной на рѣкѣ на Устьмани, знамя соха внизъ на правой сторонѣ два рубежа; оброку два пуда меду... Демка Айдаровъ ловитъ тоню въ рѣкѣ въ Усманижъ да въ Хавѣ, оброку рубль. Игнатко Инютинъ сынъ Кочапинъ ловятъ тоню Домажировъ да рѣчку протокъ верхней узголовьи да по нижней отъ Чертовицкой поляны на низъ по Воронежю по Черкасской бродъ; оброку двѣ гривны». Итакъ мѣстность Воронежа первоначально до основанія города, входила въ составъ Рязанскаго уѣзда и представляла изъ себя въ концѣ XVI в. (по отношенію къ нему) такіе же ухожаи промышленниковъ, какъ и Донецкая волость

по отношенію къ Бѣлгородскому уѣзду въ 1-й четверти XVII-го вѣка. Такимъ образомъ, ухожаи являлись какъ бы аванпостами русской колонизаціи въ степяхъ. Сюда приходили смѣлые предпріимчивые добычники съ тѣмъ, чтобы брать въ бортяхъ воскъ и медъ, ловить въ тоняхъ рыбу и бить въ лѣсахъ дикаго пушного звѣря. Характерною особенностью ухожаевъ нужно признать значительность занятаго ими пространства и необычайную рѣдкость населенія. Юрты и ухожаи занимали иногда цѣлые десятки верстъ. Огромная Донецкая волость, захватывавшая значительную часть нынѣшней Харьковской губерніи, заключала въ себѣ всего какой-нибудь десятокъ юртовъ.

Чтобы судить о размѣрахъ ихъ, достаточно вспомнить, что причту Троицкаго Бѣлгородскаго собора была отдана рѣка Нежеголь съ ея притоками Коренемъ и Корочою, оба берега Донца отъ впаденія въ него Нежеголи до впаденія Вольчихъ Водъ, лѣсъ по Нежеголи и другія болѣе мелкія угодья. О незначительномъ количествѣ населенія въ юртахъ и ухожаяхъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что 7 юртовъ Донецкой волости принадлежали 5-ти промышленникамъ. Конечно, нужно предполагать, что эти промышленники имѣли у себя сыновей, родственниковъ, племянниковъ, бобылей, иначе они и не могли бы справляться съ обширнымъ юртовымъ хозяйствомъ; но и при такихъ условіяхъ все-таки Донецкую волость нельзя назвать заселеннымъ краемъ. «Входники» — промышленники, выбирая богатыя пчелою, рыбою и звѣремъ угодія, намѣчали только мѣста будущихъ осѣдлостей и въ этомъ отношеніи напоминаютъ намъ станичниковъ и въ особенности сторожей. Сторожа подобно входникамъ являлись первыми піонерами русской колонизаціи. Такъ одновременно зарождались въ степяхъ очаги будущаго военнаго и промышленнаго быта. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти промышленники были въ одно и то же время и воинами, потому что хозяйство въ этихъ отдаленныхъ степяхъ, за чертою русскихъ поселеній, среди татарскихъ шляховъ и перелазовъ, должно было идти рука объ руку съ обороною края. Въ Донецкой волости юрты были розданы прямо служилымъ людямъ вмѣсто четвертной пашни; въ Воронежскомъ краѣ болѣе отдаленные ухожаи были на оброкѣ, ближайшіе же раздавались вмѣсто государева жалованья: «принесъ трубникъ Захаръ Звягинъ, читаемъ мы въ одномъ документѣ 1594 г., всего 16 пудъ съ полупудомъ (меду); а денегъ два рубля 30 алтынъ; сказалъ Воронежскій казакъ Рудачко: дано имъ за половину жалованья ухожаевъ по Воронежу вверхъ верстъ съ 30 по рѣчку Излегощъ, а тѣ ухожаи въ томъ мѣстѣ есть рѣчка Усмань отъ Воронежа верстъ съ десять, а по Дону вверхъ до Кривого Бору, а внизъ до Коросани». Оброчниками, какъ увидимъ далѣе, были по большей части служилые люди, но и вольные владѣль-

цы ухожаевъ (напримѣръ, черкасы[1]), не прибранные на государеву городовую службу, также были прекрасными воинами. Такимъ образомъ, существованіе юртовъ и «ухожаевъ», а равно и сторожей не колеблетъ стараго вывода, сдѣланнаго въ нашихъ «Очеркахъ», что города въ южной степной Украйнѣ являлись раньше селъ. Отождествлять сторожи и ухожаи съ селеніями невозможно; говорить, что крестьянская колонизація на Украйнѣ предшествовала служилой, нѣтъ никакихъ основаній — это значитъ идти противъ документальныхъ данныхъ; главными, чтобы не сказать исключительными, дѣятелями въ заселеніи и экспалутированіи ухожаевъ оказываются также служилые люди; они вовсе не чуждались прибыльныхъ промысловъ и охотно занимались ими какъ въ городахъ, такъ и за предѣлами ихъ — въ юртахъ или ухожаяхъ. Да и кому естественнѣе всего было заниматься здѣсь звѣроловствомъ или рыболовствомъ, какъ не отважнымъ воинамъ — всѣмъ этимъ бѣломѣстнымъ атаманамъ и черкасамъ, изучившимъ степь во время своихъ сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ и умѣвшихъ справляться съ грозными обитателями — татарами? Но продолжительное существованіе ухожаевъ укрѣпляло, такъ сказать, за Русью эти незаселенныя мѣстности и подготовляло здѣсь устройство правильныхъ поселенныхъ пунктовъ, т. е. городовъ, а вслѣдъ за тѣмъ или одновременно подъ прикрытіемъ ихъ, и селеній. Постройка города, естественно, производила рѣшительный переворотъ въ жизни такихъ уголковъ и ихъ населенія. Только тогда оживалъ край, только тогда являлись жители, которые устраивали здѣсь для себя прочную осѣдлость; только тогда онъ дѣлался настолько безопаснымъ, что подъ прикрытіемъ устроенныхъ въ немъ укрѣпленій, могли появляться здѣсь села и деревни, могло возникнуть правильное земледѣліе. Само собою разумѣется, что при этомъ прежніе владѣльцы юртовъ и ухожаевъ не могли уже удержать за собою своихъ огромныхъ территорій и должны были такъ или иначе уступать ихъ новому, несравненно болѣе густому населенію: для охоты за звѣремъ или для рыбныхъ ловель нужны были огромныя пространства лѣсовъ и рѣкъ; теперь эти лѣса и рѣки являются уже общественною собственностью всѣхъ жителей новаго города и образовавшихся въ его уѣздѣ селеній; необычайно экстенсивное хозяйство звѣролововъ и рыболововъ уступаетъ свое мѣсто относительное менѣе экстенсивному земледѣльческому переложному хозяйству. Вотъ документъ, свидѣтельствующій о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія имѣло построеніе г. Воронежа. «Въ 93 году (1585) били челомъ государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всея Русіи Резанскаго уѣзду, села

[1]) О нихъ извѣстно, что они сытили медъ и продавали въ «медвяныхъ» корчмахъ, добывая его между прочимъ грабежомъ (это выражалось терминомъ «добуватьця»).

Ворыщъ, бортники Демка Айдаровъ сынъ Панинъ да Игнатко Инютинъ сынъ Кочапинъ да Ивашко Олексѣевъ сынъ Ларивоновъ, а сказали: «были де за ними на оброкѣ въ Резанскомъ уѣздѣ бортные ухожьи и рыбные ловли и тѣ де ихъ бортные ухожеи и рыбныя ловли отписаны къ новому городу, къ Воропежу, и тѣми ихъ угодьи Воронежскіе жильцы владѣти имъ нынѣ не дадутъ и впредь де имъ оброку добывати негдѣ, а нынѣ на нихъ того оброку правятъ». Точно такія же явленія, какъ увидимъ далѣе, имѣли мѣсто и при началѣ настоящей колонизаціи Битюцкаго и другихъ сосѣднихъ ухожаевъ, лежавшихъ въ южной части Воронежской губерніи. Съ построеніемъ г. Воронежа (въ 1586 г.) и заселеніемъ сѣверной части Воронежской губ., ухожаи отодвинулись въ южную часть губерніи, гдѣ въ началѣ XVII в. мы видимъ цѣлый рядъ ихъ — Битюгскій (по р. Битюку), Икорецкій по р. Икорцу (въ нын. Бобровскомъ уѣздѣ), Осередскій (по р. Осередѣ въ нын. Павловскомъ уѣздѣ), Бѣлозатонскій, Богатозатонскій (въ Коротояцкомъ уѣздѣ) и др.

Любопытно прослѣдить судьбу ухожаевъ и юртовъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго края въ теченіе XVII в., и это возможно сдѣлать, потому что для этого имѣется въ нашемъ распоряженіи достаточное количество данныхъ.

О бѣлгородскихъ юртахъ, находившихся въ предѣлахъ Донецкой волости, сообщены довольно обстоятельныя свѣдѣнія въ моихъ «Очеркахъ»; они же повторены и у г. Миклашевскаго; поэтому мы на нихъ останавливаться не будемъ; замѣтимъ только, что во 2-й половинѣ XVII в., эта Донецкая волость заселилась выходцами изъ Заднѣпровья (и отчасти русскими переселенцами) и получила названіе Слободской украйны. Исторія ея заселенія подробно изложена въ моихъ «Очеркахъ». Совершенно аналогичное явленіе представляютъ изъ себя ухожаи южной части стариннаго Воронежскаго уѣзда.

Уже въ 1594 году воронежскіе ухожаи доходили по р. Дону до Коросани, какъ говорится въ актѣ, т. е. до р. Хворостани, но это были, вѣроятно, только ближайшіе. По крайней мѣрѣ въ 1615 году существовалъ цѣлый рядъ другихъ, которые были расположены южнѣе; ихъ-то отмѣчаетъ писцовая книга этого года. Можно думать, что они стали эксплуатироваться съ прекращеніемъ смутной эпохи, которая должна была отразиться отрицательно на заселеніи этой окраины. Въ 1615 году писецъ отмѣтилъ слѣдующіе вотчины-ухожаи: Хворосанскій, Лисогорьевскій, Подульскій, Сосенскій, Богатозатонскій, Икорскій, Марковскій, Битюцкій, Бабій, Серецкій съ Шиповыми лѣсами, Калитвянскій, Бѣлозатонскій, Боучарскій, Толучеевскій, Терновскій, Иловскій съ лѣсомъ и рѣчками Ольшанкой и Сосенскомъ и, нако-

нецъ, Окологородный. Они захватываютъ между прочимъ части нынѣшнихъ Коротояцкаго, Острогожскаго, Богучарскаго, Бобровскаго, Павловскаго уѣздовъ Воронежской губ., т. е. южной половины ея, которая заселилась позже сѣверной. Всего собиралось съ нихъ оброку 300 р. съ полтиною; а отдавались они ежегодно въ Воронежѣ всякимъ людямъ «съ наддачи» съ Семенова дня[1]). Въ 1620 г. на откупъ были сданы слѣдующіе ухожаи: Битюцкій, Бѣлозатонскій, Богучарскій, Сосенскій (рѣка Сосна) Лысогорскій, Богатый Затонъ да копанище, рѣка Потудонь съ ухожаемъ Потудонскимъ, рѣка Икорецъ, Марковъ, юртъ Калитвянскій, рѣка Толучѣева, Ѳарасанскій, Голышевскій Затонъ и волочилище и селище внизъ по р. Дону. Сравнивая оба списка, мы замѣчаемъ, что во второмъ есть нѣкоторые новые ухожаи, но зато не достаетъ кое-какихъ прежнихъ; можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что нѣкоторые изъ прежнихъ ухожаевъ исчезали, а мѣсто ихъ занимали новые. Въ 1628—1629-мъ году мы встрѣчаемъ указанія на слѣдующіе ухожаи: Битюцкій, Бѣлозатонскій, юртъ Богучарскій, рѣчка Толучѣева, Марковскій, Калитвянскій, Затонъ Голышевскій съ волочилищемъ и селищемъ[2]). Представимъ свѣдѣнія о размѣрахъ оброчныхъ денегъ за нихъ въ разные періоды времени. Битюцкій въ 1615 г. сдавался за 30 руб., Серецкій — за 6 руб., въ 1620 г. оба за 31 руб., въ 1622 г. — за 31 руб., въ 1623 г. — за 54 руб.[3]), въ 1624 г. — за 56 руб., въ 1628—1629 — за 65 руб., въ 1664 г. — за 95 руб.; Форосанскій въ 1615 г. — за 12¼ руб., въ 1620 г. — за 12 руб.; Лысогорскій въ 1615 г. — за 20 руб., въ 1620 г. — за 20 руб., въ 1628—1629 г. — за 20 руб.; Сосенскій въ 1615 г. — за 20 руб., въ 1620 г. — за 34 р.; Богато-Затонскій въ 1615 г. — за 50 руб., въ 1620 г. — 50 руб.; Икорскій въ 1615 г. — за 10½, въ 1620 г. — за 9 руб.; Марковскій въ 1615 г. — за 18 руб., въ 1620 г. — 20 руб., въ 1628—1629 г. — за 20 р.; Калитвянскій въ 1615 г. — за 50½ руб., въ 1620 г. — за 50½ руб., въ 1628—1629 г. — за 51 руб.; Бѣлозатонскій въ 1615 г. — за 12½ руб., въ 1620 г. — за 14 руб., въ 1628—1629 г. — за 14 руб., въ 1651 г. — за 20 руб., въ 1652 г. — 23 руб.; Богучарскій и Толучѣевскій въ 1615 г. — за 15 р., въ 1620 г. — за 13 руб., въ 1628—1629 г. — за 16 руб. Изъ этихъ цифръ видно, что, вообще говоря, сумма оброка увеличивалась, хотя довольно слабо; во многихъ случаяхъ она оставалась безъ измѣненія, а въ нѣкоторыхъ даже уменьшалась. Въ концѣ же концовъ огромное пространство земель и угодій, занятое ухожаями, приносило сравнительно весьма небольшой доходъ казнѣ. Гораздо бо-

---

1) Ворон. писц. книги, изд. Ворон. Губ. Стат. Комит. 1891 г. стр. 139—141.

2) См. Приложеніе №№ 1 и 3.

3) Мы опускаемъ алтыны и деньги.

лѣе выгоды извлекали отсюда тѣ лица, которые брали на откупъ эти ухожаи и занимались въ нихъ звѣроловствомъ, рыболовствомъ, пчеловодствомъ и даже хмелеводствомъ. Въ 1624-мъ году откупщикъ Битюцкаго и Серецкаго ухожаевъ Гришка Побѣжимовъ подалъ челобитную: «онъ де, Гриша, въ томъ ухожаѣ по нашей откупной грамотѣ рыбу ловилъ по прежнему и какъ де онъ, Гриша, ѣхалъ съ рыбной ловли и тѣ де казаки (новые откупщики) его били и грабили, а взяли... грабежомъ рыбы: 103 сазана, да щукъ и лещей и всякія рыбы 10 возовъ... да 25 куницъ да 25 лисицъ». Откупщикъ Потуданскаго и Лысогорскаго ухожаевъ Прокофій Шишкинъ жаловался въ 1625 году, что въ его вотчинѣ насильствомъ «рыбу ловятъ, звѣря бьютъ и хмель дерутъ».

Съ заселеніемъ сѣверной части Воронежскаго края и сосѣднихъ мѣстностей, въ томъ числѣ и Слободской украйны, въ составъ которой входилъ Острогожскій казачій малороссійскій полкъ, занявшій прежній Сосенскій ухожай, сталъ на очередь вопросъ и о колонизаціи бассейна рр. Битюка, Икорца и Осереды, гдѣ были расположены Битюцкій, Икорецкій и Осередскій ухожаи. Съ 1615 г. по 1684-й годъ 1-й и 3-й сдавались «по перекупкамъ изъ наддачъ» воронежцамъ и жителямъ другихъ городовъ; а въ 1684 году они были сданы въ оброкъ на 10 лѣтъ по 200 руб. за годъ архимандриту Козловско-Троицкаго монастыря Дороѳею съ братіею. Въ 1685 г. Государь велѣлъ послать въ Лысогорскіе городки и на рѣку Битюкъ и Осереду для описанія лѣсовъ и бродовъ подъячихъ и чертежниковъ; всѣ эти мѣста нужно было измѣрить и начертить на чертежъ, чтобы выяснить вопросъ о возможности постройки здѣсь новыхъ городовъ, слободъ, селъ и деревень; чертежники должны были также опредѣлить разстояніе тѣхъ урочищъ, на которыхъ предполагалось построить эти города, отъ украинскихъ городовъ по Тамбовской чертѣ, отъ Козлова, Воронежа, Коротояка и Донскихъ казачьихъ городковъ, узнать,—много ли можно было бы поселить тутъ жителей, сколько на долю ихъ пришлось бы пашенной земли, сѣнныхъ покосовъ, лѣсовъ и всякихъ угодій, и опредѣлить, не будетъ ли отъ этого обиды старымъ поселеніямъ и будутъ ли ограждены отъ татарскихъ нападеній своими укрѣпленіями новыя. Дозорщики Трифонъ Картавцовъ и Иванъ Жолобовъ составили «дозорныя» книги и чертежъ всему этому краю и отправили ихъ въ Москву въ разрядный приказъ. Изъ нихъ видно, что они добросовѣстно исполнили свое порученіе и сдѣлали дѣйствительно тщательный дозоръ и чертежъ, указавъ при этомъ тѣ пункты, гдѣ нужно было, по ихъ мнѣнію, поставить городки, и опредѣливъ даже число жителей въ этихъ будущихъ городкахъ. Вотъ одинъ примѣръ: «а отъ рѣки Липовицы и отъ того мѣста, гдѣ быть городку и до рѣки Битюка, и до Чемлыцкаго юрту по мѣрѣ 16 верстъ 180 саж. и въ томъ

мѣстѣ быть второму городку, а въ немъ жителямъ 200 человѣкамъ, а лѣсъ на городовое и на дворовое строеніе имать по рѣкѣ Битюку. А отъ Чемльщкаго юрту отъ того мѣста, гдѣ быть 2-му городку, внизъ по р. Битюку до острова 25 верстъ 970 саж. и въ томъ мѣстѣ быть 3-му городку, а въ немъ жителямъ 300 чел., а лѣсъ на городовое и на дворовое строеніе имать по р. Битюку. А отъ того острова внизъ по рѣкѣ Битюку до Чулиньина острова 14 верстъ 150 саж., а въ томъ мѣстѣ быть 4-му городку, а въ немъ жителямъ 800 чел., на городовое и на дворовое строеніе лѣсъ чорный и боръ за рѣкою Битюкомъ». Всего отъ Тамбовскаго вала до рѣки Битюка и рѣкою Битюкомъ до впаденія ея въ Донъ и отъ устья ея до Коротояка вымѣрено было 166 верстъ, 150 саж. Писцы предлагали устроить здѣсь 7 городковъ и населить ихъ 2506 чел.; отъ старыхъ же поселеній эти новые городки отстояли бы на 20, 50 и 60 верстъ; лѣсу для нихъ было бы достаточно; но его не хватило бы для селъ и деревень и потому этихъ послѣднихъ писцы вовсе и не проэктировали; въ заключеніе указывалось, какія укрѣпленія нужно было сдѣлать въ этихъ мѣстахъ—предлагалось устройство валовъ, рвовъ, надолобъ, башенъ, чесноковъ, заповѣднаго лѣса, который также игралъ тогда роль укрѣпленій. Любопытно при этомъ отмѣтить одну подробность измѣренія: писцы проходили всѣ эти мѣста съ веревкою или, какъ они выражаются, съ «вервью» въ рукахъ; любопытно также, что лѣсъ признавался обязательною принадлежностью всякаго поселенія. По рѣкѣ Мотырѣ (притоку р. Воронежа) были цѣлыя тысячи четвертей пахатной земли и сѣнныхъ покосовъ, но не было лѣсовъ— вотъ въ дозорной книгѣ и отмѣчено: «населенія населить въ томъ мѣстѣ не у чего». Но вышло не совсѣмъ такъ, какъ предлагали писцы: въ эти ухожаи устремилась двойная колонизація — малорусская и великорусская.

Въ 1680 году изъ-за Днѣпра явились на Государеву службу выходцы малороссіяне—уманцы, ольховчане, звенигородчане, богуславцы, калниболотцы, межибожцы, збарожане, зеславцы, тернопольцы и жители другихъ заднѣпровскихъ городовъ. Они перешли еще въ 1675-мъ году въ лѣвобережную Малороссію (бывшую тогда подъ властью Москвы) вслѣдствіе войнъ съ турками и татарами и оставались на жительствѣ въ малороссійскихъ городахъ. Они отправили въ Москву въ разрядъ своихъ челобитчиковъ—протопопа отца Іакова Мировицкаго, осадчаго Павла Тимофеева и атамановъ: Матвѣя Григорьева, Аѳанасія Павлова и Ѳедора Коротича, которые дали слѣдующее объясненіе: покинувъ свои дома и города подъ вліяніемъ «бусурманскаго разоренія» и перейдя на службу къ Его Царскому Величеству, они скитаются по Государевой Украйнѣ и не имѣютъ ни своихъ жилищъ, ни своихъ пашенъ; поэтому они просятъ о разрѣшеніи «ради

своего иноземчества» строиться имъ на вѣчное жилье городами и жилищами въ полѣ, за рѣкою Дономъ, на ногайской сторонѣ, на устьѣ р. Битюка, и если имъ Государь разрѣшитъ поселиться тамъ и дастъ на это свою грамоту за «отворчатою печатью», то пусть позволитъ имъ передъ началомъ весны назначить сборный пунктъ между городами Путивлемъ и Конотопомъ, въ Казачьей Дубровѣ, у Гетманскаго Кургана, на вершинѣ рѣчки Конотопа и на Краснахъ. И тамъ соберется тысячъ съ 10 семействъ; собравшись же и росписавшись въ сотни, они (протопопъ, осадчики, атаманы и всѣ прочіе) пойдутъ по первому лѣтнему пути обозомъ на поселеніе къ р. Битюку. Въ разрядѣ имъ сказали, что р. Битюкъ степная и крѣпостей тамъ подѣлать невозможно, что туда постоянно приходятъ ногайцы и калмыки и что имъ черкасамъ удобнѣе будетъ поселиться въ городкѣ Полатовѣ и его окрестностяхъ, гдѣ пахатныхъ земель, лѣсу и всякихъ угодій достаточно. Протопопъ съ атаманами отвѣтили на это, что они не знаютъ, захотятъ ли переселенцы поселиться въ Полатовскомъ лѣсу, а потому пусть Государь разрѣшитъ все-таки имъ, въ случаѣ, если они предпочтутъ Битюкъ, итти къ этому послѣднему и дастъ имъ пушекъ, пороху, свинцу для обороны; они же, получивъ льготу въ даняхъ, оброкахъ и податяхъ, сами безъ посторонней помощи построятъ городъ, подъ условіемъ свободнаго винокуренія, которымъ пользуются ихъ братія—казаки сумскаго, ахтырскаго и харьковскаго полковъ, и подъ условіемъ отсутствія на первыхъ порахъ воеводъ и приказныхъ людей; вмѣсто же этихъ послѣднихъ пусть ими вѣдаютъ протопопъ, полковникъ, осадчики, атаманы и старшины, какихъ они выберутъ изъ своей среды. Государь не разрѣшилъ имъ селиться по Битюку (въ виду указанныхъ выше неудобствъ этого пункта), а повелѣлъ устраиваться у Полатовскаго вала на р. Валуѣ при впаденіи въ нея Валуйца: построить городъ, а если его окажется недостаточнымъ, то и нѣсколько городовъ между гг. Полатовымъ, Усердомъ, Валуйкою и Новымъ Осколомъ выше Цареборисова, по обѣ стороны р. Оскола, Сѣверскаго Донца и по верховьямъ р. Сосны, въ тѣхъ урочищахъ, которыя они сами выберутъ; воеводамъ и приказнымъ у нихъ не велѣно быть въ теченіе 10 и болѣе лѣтъ, а разрѣшено было имъ составить изъ себя особый Полатовскій полкъ, управляться собственными выборными старшинами и вести безпошлинную торговлю въ новопостроенныхъ городахъ, держать безоброчно шинки по своимъ старымъ обычаямъ; полатовскаго валоваго дѣла (на которое высылались казаки острогожскаго полка) не дѣлать и вообще никакихъ податей въ теченіе 15 лѣтъ не платить; по истеченіи же этихъ льготныхъ лѣтъ нести полковую казацкую службу и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться тѣми льготами, какія имѣли казаки Сумскаго, Харьковскаго и Ахтырскаго полковъ; въ такомъ смыслѣ были посланы указы русскимъ воеводамъ и слободскимъ полковникамъ.

Изъ этого видно, что центральное правительство отнеслось къ этимъ вольнымъ малорусскимъ переселенцамъ такъ, какъ оно относилось къ ихъ собратьямъ, заселившимъ Слободскую Украйну. Въ виду ихъ «иноземчества» оно предоставило имъ самоуправленіе и цѣлый рядъ льготъ экономическаго характера, вообще дало имъ возможность устроиться по ихъ «черкасскимъ обыкностямъ», т. е. по старымъ малороссійскимъ обычаямъ. И все это объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь сразу явилась большая масса. Иначе относилось правительство къ отдѣльнымъ выходцамъ и небольшимъ партіямъ—ихъ селили среди великорусскихъ обывателей и подчиняли общему приказному режиму, предоставляя только нѣкоторыя изъ тѣхъ льготъ, какими пользовались болѣе счастливые ихъ соплеменники. Такимъ образомъ, на территоріи Воронежскаго края образовались какъ бы двѣ группы малороссійскихъ поселенцевъ—одна, входившая въ составъ Острогожскаго слободскаго казачьяго полка, съ значительною внутреннею автономіей и оригинальными соціально-экономическими и бытовыми распорядками,—другая, не получившая такихъ льготъ, разсѣянная въ разныхъ городахъ и селеніяхъ среди великорусскаго населенія, стремившаяся, конечно, сохранять свои бытовыя особенности, но находившаяся подъ сильнымъ вліяніемъ московскаго строя и порядковъ. Тѣ поселенцы, о которыхъ мы только что говорили, должны были образовать новую автономную единицу—Полатовскій полкъ, на подобіе существовавшаго давно уже Острогожскаго. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать съ опредѣленностью, чѣмъ окончилось все это дѣло. Полатовскаго полка во всякомъ случаѣ не образовалось; переселенцы все-таки, очевидно, хотѣли итти на Битюкъ, хотя часть ихъ, можетъ быть, и поселилась въ указанномъ имъ мѣстѣ—недалеко отъ предѣловъ Острогожскаго полка, другіе же, вѣроятно, двинулись въ привлекавшую ихъ своими угодьями мѣстность по рр. Битюку, Осередѣ и Икорцу.

Какъ бы то ни было, въ 1697 г. началось сильное движеніе колонизаціи въ эти мѣста. Между прочимъ явилась подъ предводительствомъ осадчаго Ивашки Артемьевича Сѣркова партія малороссіянъ въ 800 человѣкъ съ женами и дѣтьми, покинувшая родину вслѣдствіе татарскихъ погромовъ и разореній «измѣнника Петрушки»; ихъ принялъ въ слободу Битюкъ, какъ будто въ свою вотчину, Острогожскій полковникъ Петръ Алексѣевичъ (Булартъ) съ тѣмъ, чтобы они жили у него въ качествѣ крестьянъ; но они на это не были согласны и хотѣли служить государеву службу; вмѣстѣ съ тѣмъ они ходатайствовали о разрѣшеніи имъ постройки города, о пріемѣ выходцевъ изъ Малороссіи, о присылкѣ служилыхъ людей, денегъ, оружія, хлѣбнаго жалованья, церковной утвари, колоколовъ, книгъ, ризъ и т. п. Челобитную отъ имени всѣхъ ихъ подали въ Разрядѣ священники о. Іоаннъ

Семеновъ и о. Іоаннъ Θедоровъ, которые при этомъ дали слѣдующее объясненіе. О. Іоаннъ Семеновъ былъ священникомъ въ с. Красномъ Кутѣ, и о. Іоаннъ Θедоровъ—въ с. Бурлукахъ (помѣстьѣ изюмскаго полковника Константина Донца). Прослышавъ отъ малороссійскихъ и слободскихъ казаковъ, что, по указу Государя, правительство приглашаетъ всѣхъ желающихъ къ поселенію на р. Битюкъ, они, съ разными лицами, въ числѣ которыхъ было и полтораста семействъ, вышедшихъ вслѣдствіе скудости изъ полковничья селенія Бурлука, отправлялись туда же; поселились они на Красномъ островѣ, распахали себѣ пашни и посѣяли хлѣбъ и набралось ихъ около 300 дворовъ; являлись потомъ и новыя партіи по 30, 40 и 50 чел., такъ что собралось было до 800 человѣкъ, но, узнавъ, что указа Государева на поселеніе не имѣется, разошлись частью на прежнія мѣста, а частью въ русскіе города; чертежа земель они, по иноземчеству своему, составить были не въ состояніи; за разрѣшеніемъ о постройкѣ двухъ церквей они обратились къ патріарху Адріану. Государь велѣлъ отправить на устье Битюка писца для досмотра и измѣренія этой мѣстности и переписи новоприхожихъ черкасъ. Въ свою очередь полковникъ Булартъ объяснялъ, что рр. Битюкъ и Осереда отданы ему на откупъ и за нихъ онъ уплачиваетъ въ государеву казну оброку по 202 р. въ годъ; для охраны же ихъ онъ населилъ здѣсь вольными малороссіянами слободу Битюкъ; но сюда же являются другіе поселенцы и опустошаютъ его вотчину; въ виду этого онъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему грамоты на свободный пріемъ такихъ «гулящихъ» (а не «служилыхъ») черкасъ, о постройкѣ крѣпостей для защиты государевой вотчины отъ непріятелей и о причисленіи поселенцевъ къ казакамъ Острогожскаго слободскаго полка въ виду его малолюдства. Изъ этого видно, что полковникъ Булартъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы подъ видомъ расширенія территоріи своего полка пріобрѣсти себѣ богатую вотчину съ значительнымъ количествомъ «подданныхъ» посполитыхъ; въ его словахъ было большое противорѣчіе: онъ хотѣлъ этихъ поселенцевъ причислить къ казакамъ Острогожскаго полка и въ то же время обратить ихъ въ своихъ «подданныхъ». Но правительство, какъ кажется, не хотѣло тогда еще способствовать превращенію вольныхъ малороссіянъ въ зависимыхъ, и повидимому, отказало въ просьбѣ Буларту. Такъ по крайней мѣрѣ говорили сами черкасы въ своей новой челобитной царю, гдѣ между прочимъ объясняли, что поселилось ихъ около 800 чел. и постоянно приходятъ новые поселенцы, что здѣсь можетъ легко помѣститься и 4000 чел., что ихъ урочище Красный Островъ находится отъ Острогожска и Коротояка въ 150 вер., а отъ Воронежа въ 120 и что атаманомъ у нихъ состоитъ Кононъ Ясенко, а они просятъ о присылкѣ изъ Москвы для строенія города дворянина Ивана Барсукова, потому что онъ имъ знакомъ и

ихъ «черкасскому обыкновенію навыченъ». Самъ Барсуковъ, бывшій на Москвѣ стряпчимъ, также просилъ Государя о томъ, чтобъ его назначили вѣдать на Битюкѣ и на Икорцѣ новопоселенныхъ русскихъ людей и черкасъ (въ томъ числѣ и тѣхъ, коихъ доселѣ вѣдалъ осадчикъ Карпъ Алтуховъ). Но и Булартъ не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія: онъ явился съ вооруженными казаками своего полка, собралъ жителей Битюцкой слободы и велѣлъ имъ быть въ подданствѣ за нимъ; когда же они на это не согласились, онъ началъ ихъ бить и увѣчить «смертнымъ боемъ», приказалъ жечь ихъ дворъ, сѣно и рѣзать скотину; а самихъ разогналъ изъ слободы въ лѣса. Впрочемъ, скоро недоразумѣнія были улажены и между Булартомъ и слобожанами состоялось соглашеніе; слобожане написали Государю новую челобитную, гдѣ просили о зачисленіи ихъ въ вѣдомство полковника Буларта, который, оказывается, хочетъ причислить ихъ не въ свои подданные, а въ казаки Острогожскаго полка. Заселеніе Битюцкаго юрта прихожими черкасами между тѣмъ продолжалось; въ слободѣ Битюкѣ выстроено было нѣсколько церквей и явилось много новыхъ жителей (1000 семействъ). Но тутъ возникла сильная распря между поселенцами и ихъ приказнымъ Иваномъ Барсуковымъ, о назначеніи котораго, какъ мы уже знаемъ, раньше ходатайствовали они сами. На него жаловались, что онъ грабилъ поселенцевъ, отъ чего они брели врознь, и не жилъ съ ними «въ совѣтѣ», согласно ихъ черкасскому обыкновенію; вслѣдствіе этого они выбрали изъ среды своей, по своему старинному обычаю, въ атаманы добраго и разумнаго человѣка Ѳедора Степановича Зеньковскаго, чтобъ онъ управлялъ ими и вѣдалъ судомъ и расправою; Иванъ же Барсуковъ и церковь Божію грабилъ (повынималъ и забралъ къ себѣ въ домъ церковныя рамы со стеклами); въ заключеніе они просили о присылкѣ имъ государева чертежника для измѣренія земель, объ отдачѣ на оброкъ Битюцкаго и Икорецкаго юрта за ту плату, которую взносилъ прежній полковникъ Булартъ, и о предоставленіи, по старому черкасскому обычаю, Ѳедору Зеньковскому суда и расправы надъ ними. Съ своей стороны выступилъ съ жалобою на Барсукова и Св. Митрофаній епископъ Воронежскій, у котораго искалъ защиты Битюцкій соборный священникъ извѣстный уже намъ о. Іоаннъ. Жалоба эта въ высшей степени характерна; она ярко рисуетъ произволъ приказныхъ людей на окраинѣ. Оказывается, что Иванъ Барсуковъ пограбилъ въ домѣ у о. Іоанна, во время его отъѣзда въ Москву, всякаго имущества (въ томъ числѣ и церковной утвари) на 78 руб. 3 алт. и 2 деньги; въ другой разъ, опять во время отъѣзда его въ Москву, Барсуковъ снова напалъ на домъ о. Іоанна, выгналъ оттуда его жену и дѣтей, пограбилъ церковную утварь и книги и продалъ его дворъ; за это его привлекли къ суду — и онъ сознался въ грабежѣ и далъ на себя священнику о. Іоанну заемную кабалу; по приказанію

св. Митрофанія Барсукову запрещено было входить впредь до покаянія въ храмъ; но онъ являлся туда насильственно, разорялъ церковь (вынулъ окна) и входилъ даже въ самый алтарь, будучи женатъ 2-й разъ и говоря при этомъ: «я де владыки вашего не боюсь и не слушаю»; когда же его священникъ о. Іоаннъ спросилъ, зачѣмъ онъ позабиралъ окна и входитъ въ алтарь, то онъ во время самой литургіи въ церкви началъ его таскать за волосы и бороду, и всячески ругать; другой разъ, когда о. Іоаннъ возвращался къ себѣ домой изъ церкви, онъ съ деньщиками своими схватилъ его снова за волосы, повалилъ на землю, началъ бить его «ослопьемъ» и кулаками, и пинками «смертнымъ боемъ» при постороннихъ людяхъ и за волосы протащилъ его отъ воеводскаго двора до церкви, всячески мучилъ и требовалъ своей заемной кабалы; для того же чтобы не пустить его для челобитья въ Бѣлгородъ и Воронежъ, онъ устроилъ на перевозахъ заставы и велѣлъ, въ случаѣ поимки, бить и утопить; сверхъ того онъ взялъ къ себѣ въ домъ изъ церкви безъ вѣдома его икону Николая Чудотворца. Жаловался св. Митрофанію на Ивана Барсукова и священникъ Николаевской церкви. Жалобы подкрѣплялись ссылками на свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ священникъ Леонтій самъ видѣлъ, какъ у о. Іоанна вся спина отъ побоевъ была черная, руки и ноги синія, а «кровь замерла». Св. Митрофаній отлучилъ Барсукова отъ церкви и потребовалъ, чтобы онъ явился для объясненій въ Воронежъ, въ духовный приказъ, но онъ укрывался и не являлся. Что отвѣчалъ Барсуковъ на столь серьезныя обвиненія, мы не знаемъ; сохранился только отвѣтъ его на челобитную черкасъ, въ которомъ онъ старался пустить въ ходъ объясненія политическаго, такъ сказать, свойства. Для того чтобы парализовать жалобы черкасъ, онъ самъ жалуется на нихъ, заявляя, что они будто бы его самого хотѣли убить и бросить въ Донъ, а колодниковъ у него насильственно позабирали и выбрали атаманомъ бѣглаго, «причиннаго» человѣка Ѳедьку Зеньковскаго, который живетъ въ Битюкѣ бурлакомъ, — не имѣя собственнаго двора, такъ какъ жена и дѣти его остались въ г. Зеньковѣ, — и каждый день собираетъ народъ на «рады», и «что́ въ тѣхъ «радахъ» думаютъ, прибавляетъ Барсуковъ, того я, холопъ твой, не вѣдаю»; добрые люди на эти рады не ходятъ, съ ними на такія ихъ дурныя дѣла не соединяются и за это терпятъ отъ бунтовщиковъ — ихъ дома подвергаются разоренію, сами они запираются въ колоды; назвавъ главныхъ виновниковъ смуты, Барсуковъ прибавляетъ еще слѣдующія обвиненія противъ своихъ враговъ: они сажаютъ на цѣпь русскихъ людей и не позволяютъ имъ пользоваться угодьями, бьютъ и грабятъ гребцовъ, плывущихъ на стругахъ съ хлѣбомъ и на плотахъ съ лѣсомъ внизъ по Дону, не желаютъ платить оброка за ухожаи и не велятъ дѣлать уплаты и русскимъ людямъ, не позволяютъ устраивать заставы для удер-

жанія бѣглыхъ людей, стремящихся на Донъ; атаманъ ихъ Зеньковскій самовольно, безъ государева указа, отобралъ изъ-подъ вѣдѣнія его, Барсукова, черкасъ, управляетъ ими и писалъ письмо, уѣзжая изъ Москвы, чтобы они его Барсукова убили дрючьемъ. Чѣмъ окончились эти взаимныя жалобы, неизвѣстно. Можно предполагать, что причина столкновенія коренилась не столько въ личныхъ качествахъ Ивана Барсукова, сколько въ томъ, что онъ обманулъ ожиданія черкасъ и не захотѣлъ приспособляться къ ихъ «черкасскимъ обыкновеніямъ»; а не захотѣлъ онъ сдѣлать этого потому, что они не гармонировали съ крѣпкою, сильною, нерѣдко переходившей въ произволъ властью представителя Московской администраціи; и ему это было тѣмъ болѣе непріятно, что самовольство черкасъ (такъ онъ понималъ ихъ автономію — рады съ выборами атамановъ, свой судъ и т. п.) могло заразительно дѣйствовать и на великорусскихъ служилыхъ людей, которые также устремились сюда на поселеніе.

Великорусская колонизація здѣсь сильно отличалась отъ малорусской — вліяніе правительства въ 1-ой было гораздо сильнѣе, чѣмъ во 2-ой, несмотря на то, что среди поселенцевъ и тутъ было не мало вольныхъ людей — сходцевъ, являвшихся сюда добровольно, а не по указанію правительства; ихъ, очевидно, также какъ и выходцевъ-малороссіянъ, привлекало приволье этихъ мѣстъ. Приказный Карпъ Алтуховъ, отправленный для переписи поселившихся въ б. Икорецкомъ юртѣ русскихъ служилыхъ людей, сообщилъ о нихъ слѣдующія данныя. На устьѣ р. Икорца, гдѣ предполагался городъ, былъ выстроенъ пока государевъ дворъ для приказныхъ людей съ разными дворовыми постройками; здѣсь въ слободѣ и деревняхъ поселились выходцы изъ Воронежа, Орлова, Усмани, Костенска, Чернавска, Ельца, Данкова, Стараго Оскола и Урыва, явившіеся сюда въ 1693, 1694, 1695 и 1696 гг.; только немногіе изъ нихъ были въ городовой службѣ, остальные же никакихъ службъ не служили и помѣстьевъ за ними въ этихъ городахъ не было. Въ слободѣ было 42 чел., дѣтей, братьевъ, свойственниковъ у нихъ 71 чел.; въ томъ числѣ за 29 чел. было 580 четей помѣстьевъ, которыми они владѣли частью по грамотамъ изъ Помѣстнаго Приказа, частью же по заимкамъ; въ дер. Яблочной было 23 чел., владѣвшихъ 725 четями частью по грамотамъ, частью по заимкамъ; дѣтей, братьевъ и свойственниковъ у нихъ было 34 чел.; въ дер. Городецкой было 18 чел.; помѣстьевъ за ними не числилось, но они, конечно, владѣли землями по заимкамъ. Въ 1697 г. всѣ они ходатайствовали передъ Государемъ о пожалованіи имъ земель и угодій въ указываемыхъ ими самими предѣлахъ и урочищахъ. Затѣмъ мы имѣемъ еще ходатайство нѣкоторыхъ отдѣльныхъ поселенцевъ о дарованіи льготъ по части податей и о пожалованіи имъ «порозжей земли» съ угодьями въ помѣстье, безъ опредѣленія размѣ-

ровъ этого послѣдняго, при чемъ они хотѣли «прибрать» на эти земли, сколько окажется возможнымъ, русскихъ людей и черкасъ и поставить возлѣ своихъ дворовъ «надолбы», потому что въ урочищахъ этихъ мѣста были дикія и опасныя. Изъ этого видно, что примѣръ «черкасъ» дѣйствительно соблазнилъ русскихъ поселенцевъ и они хотѣли пустить въ ходъ и черкасскую «заимку», и «закликанье на слободы». Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ также выходецъ изъ Костенска Емельянъ Аѳанасьевъ Тереховъ, который сообщилъ о себѣ въ челобитной такія свѣдѣнія. Жилъ онъ въ г. Костенскѣ, переходя отъ одного хозяина къ другому, и кормился своею работой, а объ отцѣ своемъ — (въ какомъ городѣ и какую службу онъ служилъ) ничего не помнитъ, такъ какъ остался послѣ него малолѣтнимъ; въ разборныхъ и переписныхъ книгахъ онъ не написанъ потому, что жилъ въ разныхъ мѣстахъ; а въ 1697 г. онъ съ товарищами своими, которые также ничего не помнятъ о своихъ отцахъ, явился на р. Осереду и пріискалъ съ ними «порозжую землю» (слѣдуетъ описаніе ея межей). Но приказный Ив. Барсуковъ не позволяетъ владѣть ею изъ дружбы къ черкасамъ. Въ заключеніе Тереховъ проситъ, чтобы эта земля была утверждена за нимъ и его товарищами, и за нее они или будутъ служить Государю службу, или платить подати. Но центральное правительство, очевидно, желало устраивать русскихъ поселенцевъ по установившимся правиламъ, давая имъ помѣстья опредѣленнаго размѣра за службу; между прочимъ и первымъ просителямъ велѣно было отвести по 20 четвертей земли, а лишнихъ земель ни имъ, ни другимъ безъ граматъ не отдавать. Въ виду этого другіе поселенцы ходатайствовали уже объ отводѣ имъ помѣстьевъ опредѣленнаго размѣра (по 20 четей).

Столкновенія русскихъ поселенцевъ съ черкасами, впрочемъ, не прекращались и объ одномъ изъ нихъ мы имѣемъ указаніе въ челобитной.

Такъ заселялись Битюцкій, Икорецкій и Осередскій ухожаи. Ихъ богатыя угодья привлекали отовсюду колонистовъ и, благодаря этому, въ дѣлѣ колонизаціи ихъ видную роль играли вольные, свободные поселенцы (преимущественно малороссіяне); промыслы имѣли въ дѣлѣ колонизаціи этого края первенствующее значеніе. Мы воспользовались для своего экскурса только однимъ архивнымъ дѣломъ, которое напечатано во 2-мъ томѣ нашихъ «Матеріаловъ»[1]) и не касались вовсе другихъ печатныхъ данныхъ, относящихся къ этому же вопросу (въ воронежскихъ изданіяхъ); мы могли бы сгруппировать обильный матеріалъ относительно заселенія и землевладѣнія Острогожскаго слободскаго полка (помѣщенный въ тѣхъ же воронежскихъ изданіяхъ), но это завело бы насъ слишкомъ далеко и заставило

---

1) См. Мои «Матеріалы», 2-й стр. 104—140.

бы написать цѣлую монографію. Всего этого могъ бы и долженъ былъ бы коснуться г. Миклашевскій; но онъ этого почему-то не сдѣлалъ.

Равнымъ образомъ онъ не далъ болѣе или менѣе систематической характеристики хозяйства въ Бѣлгородскомъ и Воронежскомъ краѣ въ XVII в., хотя бы въ такихъ рамкахъ, въ какихъ это сдѣлалъ Л. Б. Вейнбергъ. Для того чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе объ этомъ пробѣлѣ, мы только отмѣтимъ тѣ вопросы, на которыхъ могъ бы остановиться г. Миклашевскій. Опираться мы будемъ главнымъ образомъ на книжку Л. Б. Вейнберга и нѣкоторые первоисточники. Г. Миклашевскій слишкомъ мало остановился на условіяхъ, при которыхъ развивалась мѣстная сельскохозяйственная промышленность вообще и въ частности на одной основной причинѣ, служившей огромнымъ тормазомъ для ея развитія — на татарскихъ нападеніяхъ. Нельзя не пожалѣть, что онъ не только не извлекъ изъ Архива Мин. Юст. тѣхъ данныхъ о татарскихъ погромахъ, на которыя самъ указываетъ, но и не воспользовался печатными источниками. Онъ не отмѣтилъ даже результатовъ одного изъ наиболѣе крупныхъ погромовъ — 1680 г.; въ это время въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ было взято въ плѣнъ, побито и сгорѣло (въ погребахъ) 785 чел. (417 муж. и 368 жен.), скота уведено — 3870 штукъ (683 лошади, 820 коровъ и воловъ, 2255 овецъ, 112 козъ), хлѣба сожжено и захвачено 190 четей; въ Болховскомъ уѣздѣ взято въ плѣнъ 34 чел. (въ томъ числѣ одинъ дьячекъ); въ Карповскомъ—10 человѣкъ (въ томъ числѣ 3 женщины) съ 8 лошадьми и 4 коровами; въ Хотмышскомъ взято въ плѣнъ и сожжено въ избахъ 263 чел., захвачено 1054 штуки скота (180 лошадей, 209 коровъ и коровъ и быковъ, 653 овцы и 12 козъ)[1]); въ Вольновскомъ взято въ плѣнъ и побито 145 чел. (мужчинъ, женщинъ, русскихъ людей и черкасъ), захвачено 520 штукъ скота (147 лошадей, 148 коровъ, 213 овецъ, 12 козъ). Въ 1646 г. въ Путивльскомъ уѣздѣ было взято въ плѣнъ 639 чел.[2]). Весьма интересны также мѣры, которыя принимало правительство для борьбы съ татарами, для огражденія русскаго населенія. Въ числѣ ихъ слѣдовало бы отмѣтить одну очень оригинальную — это умышленные степные пожары. Въ 1647 г., напримѣръ, валуйскій воевода, по приказанію правительства, отправилъ въ три мѣста станицы для зажиганія степной травы. Трава была сожжена по рр. Бурлуку, Двурѣчной, Осиновкѣ, Осколу, Хотомлѣ (на Изюмской сакмѣ), по р. Полатовѣ, Черной Калитвѣ, Айдару, Верхней Бѣлой и Богучару (на Калміусской сакмѣ) и, наконецъ, по верховьямъ рѣчекъ Уразовой, Нижней Бѣлой, Айдара, Козинки, Боровой и

1) Мои «Матеріалы», II, стр. 91—94.

2) См. объ этомъ документъ, извлеченный нами изъ Архива Мин. Юстиціи и помѣщаемый въ приложеніи подъ № 4.

Красной[1]). Оказывается, что по этимъ урочищамъ были прежде становища воинскихъ татаръ, и правительство хотѣло данною мѣрою преградить доступъ ихъ въ свои украйны. Районъ ихъ былъ очень значителенъ — они обнимали части нынѣшнихъ Воронежской и Харьковской губ. Л. Б. Вейнбергъ ставитъ въ связь съ этой мѣрой даже истребленіе Воронежскихъ лѣсовъ, но намъ кажется, что для такого заключенія нѣтъ достаточныхъ основаній.

Слѣдовало бы также сдѣлать обзоръ различныхъ видовъ сельскохозяйственной промышленности, опредѣлить постепенный прогрессъ въ однихъ изъ нихъ и регрессъ въ другихъ, чего также не дѣлаетъ г. Миклашевскій (бобровые гоны, чрезвычайно распространенные въ нач. XVII в., исчезаютъ совсѣмъ въ концѣ его).

Изъ книжки г. Вейнберга оказывается, что въ сѣверныхъ частяхъ Воронежскаго края преобладали посѣвы ржи, овса и гречихи, а въ южной — пшеницы, овса и ячменя; особенно много сѣялось овса, который служилъ предметомъ оживленной торговли. Интересны свѣдѣнія г. Вейнберга о недородахъ, постигавшихъ Воронежскій край, и о вызываемомъ ими поднятіи хлѣбныхъ цѣнъ. Кромѣ хлѣбопашества воронежцы занимались еще огородничествомъ, садоводствомъ и бахчеводствомъ, садили табакъ, хмель, даже виноградъ[2]). Изъ промысловъ, стоявшихъ въ связи съ царствомъ животныхъ, нужно отмѣтить — рыболовство, звѣроловство, пчеловодство, скотоводство (особенно много было свиней, которыхъ татары никогда не уводили во время своихъ набѣговъ) и коневодство. Изъ предметовъ міра ископаемаго здѣсь добывались: селитра, поташъ, глина, мѣлъ; въ концѣ вѣка открыто было въ Задонскомъ уѣз. желѣзо. Правительство очень заботилось о развитіи селитрянаго промысла: само занималось вываркою селитры и оказывало поддержку частнымъ лицамъ. Такая помощь оказана была, напр., Степану Тевяшову (Тевяшовы впослѣдствіи занимали полковничьи уряды въ Острогожскомъ полку), который рѣшилъ варить селитру въ степи за Чугуевомъ на рѣчкѣ Бурлукахъ и ему была выдана для этого дѣла отъ казны весьма значительная по тому времени сумма — 400 р.[3]) Изъ хлѣба курили вино, но свободой винокуренія пользовались только черкасы. О своеобразномъ характерѣ промышленности у этихъ послѣднихъ г. Миклашевскій не говоритъ ни слова, между тѣмъ этотъ вопросъ заслуживаетъ полнаго вниманія историка украинскаго сельскаго хозяйства.

---

1) Мои «Матеріалы», II, стр. 42—43.

2) Г. Миклашевскій приводитъ въ своей книгѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о чугуевскихъ виноградникахъ; въ дополненіе къ нимъ мы помѣщаемъ въ приложеніи одинъ документъ, извлеченный изъ Архива Мин. Юстиціи; см. прил. № 5.

3) Мои «Матеріалы», II, стр. 78—79.

Въ сельскохозяйственной культурѣ Воронежскаго края, какъ и въ его колонизаціи и землевладѣніи, нужно различать двѣ стихіи — великорусскую и малорусскую. Взаимодѣйствіе ихъ было чрезвычайно полезно и благодѣтельно — одна пополняла другую. Г. Миклашевскій представляетъ данныя только о первой, но совершенно игнорируетъ вторую, между тѣмъ какъ и она играла важную роль въ краѣ. Заднѣпровскіе черкасы, говоритъ Л. Б. Вейнбергъ, «не только ввели культуру многихъ новыхъ растеній, какъ ганусъ (анисъ), подсолнухъ и др., но своимъ присутствіемъ увеличили и производство, и сбытъ разныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Крупный и мелкій домашній скотъ, приведенный ими съ собою, также не мало посодѣйствовалъ къ улучшенію мѣстныхъ породъ, за исключеніемъ, какъ кажется, однихъ только лошадей, ибо мѣстныя ногайскія цѣнились гораздо выше. Черкасы преимущественно занимались посѣвами пшеницы, овса, ячменя и льна, а также — и при томъ въ очень широкихъ размѣрахъ — хмелеводствомъ»; культура этого послѣдняго растенія процвѣтала благодаря свободѣ винокуренія, которой пользовались только черкасы; въ связи съ обработкой зерновыхъ продуктовъ было у малороссіянъ обиліе мельницъ, въ строеніи которыхъ они отличались особеннымъ искусствомъ. Затѣмъ у черкасъ процвѣтало пчеловодство, въ особенности въ видѣ пасѣкъ. Хотя употребленіе табаку было строго запрещено въ царствованіе Михаила Θеодоровича, но его стали разводить и тайно имъ промышлять прибывшіе изъ заднѣпровья малороссіяне. Когда же введена была казенная табачная монополія, то само правительство начало у нихъ пріобрѣтать табакъ, который былъ извѣстенъ подъ именемъ «черкасскаго». Но главнымъ занятіемъ черкасъ было все таки винокуреніе: съ поселеніемъ на территоріи Воронежскаго края острогожскаго слободскаго полка, черкасы получили привиллегію свободнаго винокуренія и продажи вина (такой привиллегіи не имѣли великорусскіе поселенцы) и съ этого времени пользовались ею до начала XIX ст. «Пиво варили черкасы такъ искусно, что самъ адмиралтеецъ Θедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ съ удовольствіемъ принималъ бочки съ этимъ напиткомъ, присылавшимся изъ Острогожска въ почесть ему, а генералъ Ригиманъ даже самъ частенько бивалъ челомъ Острогожскому полковнику Ивану Семеновичу Сасу объ этой почести, обѣщая за это удерживать своихъ солдатъ отъ разныхъ насилій надъ черкасами и ихъ маетностями». Такою же славою пользовался и «черкасскій» медъ. Бахчеводствомъ занимались вначалѣ одни только черкасы, разводившіе преимущественно тыкву, которая употреблялась почти исключительно для откармливанія свиней». Центромъ рыбной торговли былъ черкасскій городъ Острогожскъ, получившій вслѣдствіе этого названіе »Рыбнаго». Черкасы также способствовали развитію въ Воронежскомъ краѣ скотоводства, въ особенности

овцеводства. Однимъ словомъ, въ культурно-промышленномъ отношеніи малороссійскіе переселенцы представляли изъ себя особый, своеобразный типъ: великорусскіе обыватели обрабатывали поля сохой и лошадьми; черкасы — волами и плугомъ; они принесли съ собою изъ-за Днѣпра искусство обработки дерева — мебели и такъ наз. «драницъ» и «гонта» (для кровли крышъ), приготовленія «ренсковаго» уксуса, наливокъ, выкармливанія скота бардою, особой выдѣлки кожи и т. п.

Не останавливаемся на другихъ пробѣлахъ въ трудѣ г. Миклашевскаго; замѣтимъ, только, что въ печатныхъ источникахъ онъ оставилъ безъ вниманія не мало любопытныхъ данныхъ для исторіи колонизаціи, землевладѣнія и хозяйственнаго быта въ Бѣлгородскомъ и Воронежскомъ краѣ. Примѣровъ очень много и мы на нихъ останавливаться не будемъ[1]).

Заключеніе.

Изъ всего изложеннаго вытекаютъ слѣдующія заключенія. Разбираемая книга обладаетъ и крупными достоинствами и значительными недостатками. Къ достоинствамъ нужно отнести — удачный выборъ мѣстности для изслѣдованія, раціональную постановку вопроса, выводимаго изъ узкой области хозяйственной политики въ болѣе широкую сферу исторіи и экономики, знакомство съ важнѣйшими печатными источниками и пособіями, обиліе архивнаго неизданнаго матеріала, положеннаго въ основу книги, первоначальную сводку и разработку этого матеріала, отдѣльныя критическія изслѣдованія по разнымъ частнымъ вопросамъ и, наконецъ, богатство фактическаго содержанія, въ особенности начиная со 2-ой главы — тутъ мы находимъ и описанія городовъ, и описанія уѣздовъ, и данныя о разныхъ классахъ общества, о монастыряхъ, о малорусскихъ выходцахъ изъ заднѣпровья, о землевладѣніи и, наконецъ, о хозяйствѣ (земледѣліи, скотоводствѣ пчеловодствѣ, винодѣльничествѣ). Недостатками книги слѣдуетъ признать — слабое эксплуатированіе печатныхъ источниковъ и пособій, неполноту въ извлеченіи архивныхъ матеріаловъ и, какъ естественный результатъ ихъ, пробѣлъ въ содержаніи, неясность, невыдержанность и несистематичность плана и недостаточную обработку матеріаловъ въ общей ихъ совокупности; благодаря этому послѣднему обстоятельству, книга г. Миклашевскаго представляетъ нѣчто среднее между изслѣдованіемъ и историко — статистическимъ описаніемъ.

---

1) Помѣщаемъ въ приложеніи подъ № 2, документъ, извлеченный нами изъ Архива Мин. Юст. и содержащій въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія объ оброчныхъ земляхъ въ Бѣлгородскомъ краѣ.

Изъ трехъ намѣченныхъ себѣ авторомъ вопросовъ — колонизаціи, землевладѣнія и хозяйства южной окраины — авторъ во всей полнотѣ не рѣшаетъ ни одного — но даетъ массу данныхъ для перваго, довольно много для третьяго и нѣсколько меньше для второго.

Въ виду всего этого, а также принимая во вниманіе значительный трудъ, положенный авторомъ на разысканіе и первоначальную сводку архивнаго матеріала, и вполнѣ добросовѣстное, строго научное отношеніе его къ дѣлу, мы бы считали справедливымъ поощрить г. Миклашевскаго къ продолженію его работы присужденіемъ ему не полной уваровской преміи.

Харьковъ, 15 апрѣля 1895 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Воронежскіе ухожаи въ 1620 г.

Съ Воронажа съ рѣкъ и съ лѣсовъ и съ угодей оброчнаго откупу взяти на нынѣшней на 128 годъ противъ 127 году а въ откупъ отдаютъ воеводы на Воронажѣ.

Ухожей Бетюцкой да Серетцкой во 127 году былъ въ откупу за воронажцомъ за Кирѣйкомъ Левонтьевымъ Поздоровкою съ товарыщи а откупу тридцать одинъ рубль. А по книгамъ съ Воронажа воеводы Бориса Нащокина тотъ ухожей въ откупу за Неустроемъ Тарарыковымъ.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ Бетюцкого да съ Серецкого ухожея откупныя деньги на 128 годъ тридцать одинъ рубль взято.

Юртъ Бѣлозатонскай въ откупу за воронажцомъ за Офонкою Синцовымъ откупу взяти у него на нынѣшней на 128 годъ противъ 127 году четырнадцать рублевъ съ гривною.

И 128 г. марта въ 28 дѐнь по отпискѣ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у Воронежца у Карпа Ножевникова съ юрту Бѣлозатонского откупныя деньги на 128 годъ четырнадцать рублевъ съ гривною взято.

Юртъ Боучарской въ откупу за воронажцы за Исачкомъ Онохинымъ да за Иванкомъ Мешаевымъ откупу взяти у нихъ на нынѣшней на 128 годъ противъ 127 году восмь рублевъ и тринадцать алтынъ двѣ деньги.

И 128 г. марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ юрту

Боучарского откупныя деньги на 128 годъ восмь рублевъ и тринадцать алтынъ двѣ деньги взято.

Рѣка Сосна въ откупу за Воронажскимъ за Успенскимъ игуменомъ за Ѳедосьемъ откупу взяти у него на нынѣшней на 128 годъ противъ 127 году тридцать четыре рубли.

И 128 г. марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ рѣки Сосны откупныя деньги на 128 годъ тридцать четыре рубли взято.

Ухожей Лысогорской въ откупу за воронажцы за Кирѣйкомъ да за Федкою Хариными откупу взяти у нихъ на нынѣшній на 128 годъ противъ 127 году двадцать рублевъ и три алтына двѣ деньги.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ ухожея Лысогорскаго откупныя деньги на 128 годъ двадцать рублевъ съ гривною взято.

Затонъ Богатой да Копанище въ откупу за воронажскимъ за борщевскимъ игуменомъ за Семіономъ съ братьею откупу взяти у нихъ на нынѣшній на 128 годъ противъ 127 году пятьдесятъ рублевъ и двадцать алтынъ.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина съ затону Богатаго да съ Копанища откупныя деньги на 128 годъ пятьдесятъ рублевъ и двадцать алтынъ взято платилъ воронежецъ Карпъ Ножевниковъ.

Рѣка Потудань съ ухожеемъ Потудонскимъ въ откупу за воронажцомъ сыномъ боярскимъ за Семейкою Ульяновымъ откупу взяти у него на нынѣшній на 128 годъ противъ 127 году осмнадцать рублевъ.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ рѣки Потудони съ ухожеемъ Потудонскимъ откупныя деньги на 128 годъ осмнадцать рублевъ взято.

Рѣка Икорецъ въ откупу за воронажцомъ за Ларею Писаревымъ откупу взяти у него на нынѣшній на 128 годъ противъ 127 году девять рублевъ и двадцать пять алтынъ.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ рѣки Икорца откупныя деньги на 128 годъ девять рублевъ и двадцать пять алтынъ взято.

А ко 129 году та рѣка Икорецъ отдана въ откупъ съ Воронажа Никольскому попу Саввѣ, а откупу взяти у него стараго и съ наддачею десять рублевъ да съ того откупу пошлинъ полтина съ рубля по десяти денегъ.

Ухожей Марковъ въ откупу за воронажцомъ за Ортемкомъ Бухоновымъ откупу взяти у него на нынѣшній 128 годъ противъ 127 году двадцать рублевъ и одиннадцать алтынъ четыре деньги.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ ухожея Маркова откупныя деньги на 128 годъ двадцать рублевъ и одиннадцать алтынъ четыре деньги взято.

Юртъ Калитвянской въ откупу за воронажцы за Якушомъ Киселемъ съ товарыщи откупу взяти у нихъ на нынѣшній на 128 годъ противъ 127 году пятьдесятъ рублевъ съ полтиною.

И 128 году марта въ 28 день съ юрта Калитвянскаго по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина откупныя деньги на 128 годъ пятьдесятъ рублевъ съ полтиною взято платилъ воронежецъ Карпъ Ножевниковъ.

Рѣка Тулучѣева въ откупу за откупщики за Ѳедькою Проскурнинымъ да за Филькою портнымъ откупу взяти у нихъ на нынѣшній на 128 годъ противъ 127 году пять рублевъ двадцать пять алтынъ.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ рѣки Тулучѣевы откупныя деньги на 128 годъ пять рублевъ и двадцать пять алтынъ взято.

Ухожей Ѳарасанской въ откупу за воронажцомъ за Богдашкомъ Крячковымъ откупу взяти у него на нынѣшней на 128 годъ противъ 127 году двѣнадцать рублевъ и три алтына двѣ деньги.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ ухожея Ѳарасанскаго откупныя деньги на 128 годъ двѣнадцать рублевъ съ гривною взято.

Затонъ Голышевской и волочилище и селище внизъ по рѣкѣ по Дону данъ въ откупъ на 128 годъ въ первые декабря съ 15 числа 128 года декабря жъ по 15 число 129 году съ Воронажа Успенскому игумену Ѳеодосью откупу взяти у него рубль.

(Архивъ Мин. Юстиціи. Приходо-расходная книга разныхъ городовъ, № 76, № 63—70)

№ 2.

Оброчныя земли Бѣлогородскаго края 1620 г.

И въ прошломъ же въ 127 году августа въ 31 день писалъ къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи изъ Бѣлаго-

рода стольникъ и воевода Исакъ Погожей, что по государеву указу сыскалъ онъ въ Бѣлѣгородѣ оброчные вотчинные земли верхового оброку бортные ухожеи и усады, а владѣютъ де тѣми землями бѣлогородцы дѣти боярскіе и сотники и атаманы и казаки и всякіе люди, а оброку съ тѣхъ оброчныхъ земель съ угодей не платили со 123 году.

Да Исакъ жъ писалъ къ государю, что въ Бѣлѣгородѣ многіе люди сверхъ своихъ окладовъ завладѣли государевою землею безъ дачъ и дворы поставили и пашню роспахали и пчельники устроили а оброку съ тѣхъ пашенъ и усадей не платятъ же.

И въ нынѣшнемъ въ 128 году по государеву цареву и великаго князя Михаила Өедоровича всея Русіи указу и по боярскому приговору писано отъ государя въ Бѣлгородъ къ стольнику и воеводѣ къ Исаку Погожево, а велѣно на дѣтѣхъ боярскихъ и на сотникехъ и на всякихъ людехъ которые оброчными мѣсты владѣли со 123 году оброкъ медъ и деньги и куницы взяти на 127 годъ, а на прошлые годы оброку до государева указу имати на нихъ не велѣно. А которые владѣли пашнею сверхъ своихъ окладовъ безъ дачъ и на ихъ земли и на всякіе угодья велѣно положити оброкъ примѣрясь къ инымъ оброчнымъ мѣстомъ да тотъ весь оброкъ и книги велѣно прислать къ государю.

И февраля въ 23 день писалъ къ государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи изъ Бѣлагорода стольникъ и воевода Исакъ Погожей и прислалъ къ Государю съ Бѣлогородцы съ цѣловальники съ Ваською Росляковымъ да съ посадскимъ человѣкомъ съ Тимонкомъ Ереминымъ съ товарыщи тому Бѣлогородскому оброку оброчныя книги и деньги.

А въ книгахъ написано:

За станичнымъ атаманомъ за Өедоромъ Филатовымъ вотчина Берецкой юртъ что на Сѣверскомъ Донцѣ оброку рубль.

И февраля въ 23 день у бѣлогородскаго цѣловальника у Васки Рослякова съ того Берецкого юрту оброку на 127 годъ рубль взято.

За станичнымъ вожомъ за Лукьянкомъ Долгаревымъ да за путивльцомъ за Васкою Людоѣдовымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброка полтора пуда меду да полкуницы.

И февраля въ 23 день у бѣлогородского цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ полтора пуда меду да за полкуницу деньгами два алтына полпяты деньги взято.

За станичнымъ вожомъ за Богдашомъ Чорнымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку пять пудъ меду да куница.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ пять пудъ меду да за куницу деньгами пять алтынъ три деньги взято.

За станичнымъ вожомъ за Васкою Росляковымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку восьмь пудъ меду да куница.

И февраля въ 23 день у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ восмь пудъ меду да за куницу пять алтынъ три деньги взято.

За гулящимъ человѣкомъ за Панкою Топорниковымъ что было за станичнымъ атаманомъ за Третьякомъ Поповымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку шесть пудъ съ полупудомъ меду да куница.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ шесть пудъ съ полупудомъ меду да за куницу пять алтынъ три деньги взято.

За сыномъ боярскимъ за Самойломъ Кротавскимъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у целовальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За станичнымъ атаманомъ за Злобою Подпоринымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку два пуда меду да куница.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду да за куницу пять алтынъ три деньги взято.

За станичнымъ ѣздокомъ за Иваномъ Становихинымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За станичнымъ атаманомъ за Семеномъ Шараповымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку восмь пудъ меду да двѣ куницы.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ восмь пудъ меду да за двѣ куницы одиннадцать алтынъ взято.

За сыномъ боярскимъ за Мелентьемъ Масловымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку двадцать пудъ меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ двадцать пудъ меду взято.

За станичнымъ атаманомъ за Иваномъ Видановымъ что было за сотникомъ стрѣлецкимъ за Өедоромъ Пищулинымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку семь пудъ меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ семь пудъ меду взято.

За сотникомъ стрѣлецкимъ за Өедоромъ Пищулинымъ что было за Власомъ Набережнымъ юртъ Старицкой оброку семнадцать алтынъ.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ семнадцать алтынъ взято.

За Михайломъ Посниковымъ сыномъ Обрютина вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За станичнымъ атаманомъ за Кондратомъ Стряпковымъ юртъ Топлинской оброку три алтына. А былъ де тотъ юртъ у Кондрата вопче съ ѣздокомъ съ Силою Оленинымъ и Сила де свой жеребей сдалъ Кондрату жъ Стряпкову.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ три алтыны взято.

За сыномъ боярскимъ за Васильемъ Роговымъ юртъ Тюдинской оброку тридцать алтынъ.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ тридцать алтынъ взято.

За станичнымъ ѣздокомъ за Лепехою Бебехинымъ пчельникъ оброку тринадцать алтынъ двѣ деньги.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ четыре гривны взято.

За пушкаремъ за Томиломъ Дмитреевымъ да за ѣздокомъ за Романомъ Золотаревымъ пчельникъ оброку три алтыны.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ три алтыны взято.

За торговымъ человѣкомъ за Иваномъ Золотаремъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку восмь пудъ меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ восмь пудъ меду взято.

За бѣломѣстнымъ казакомъ за Ортемомъ Кривымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку пять пудъ меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ пять пудъ меду взято.

За торговымъ человѣкомъ за Родею Филатовымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За станичнымъ вожомъ за Иваномъ Зубачовымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку восмь пудъ меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ восмь пудъ меду взято.

За гулящимъ человѣкомъ за Мелешкою Котыгановымъ вотчина на Сѣверскомъ Донцѣ оброку полпуда меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ полпуда меду взято.

За атаманомъ за Михайломъ Стариковымъ лѣсъ Нежегаловской оброку шесть алтынъ четыре деньги.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ двѣ гривны взято.

За станичнымъ вожомъ за меньшимъ Самойловымъ гумно оброку девять денегъ.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ девять денегъ взято.

И всего у цѣловальника у Васьки Рослякова съ бѣлогородцовъ которые оброчными мѣсты владѣли со 123 году по 127 годъ верховаго оброку на 127 годъ три рубли и семь алтынъ пять денегъ да за полсемы куницы деньгами жъ рубль два алтына полтретьи деньги, обоего четыре рубли и десять алтынъ полторы деньги да восьмьдесятъ шесть пудъ съ полупудомъ меду.

Да по Исаковымъ же книгамъ Погожево за тѣми которые на государевѣ землѣ въ отхожихъ мѣстехъ въ лугахъ по Донцу и по Разумной и въ полянахъ по лѣсомъ дворы поставили и пчельники устроили и пашню роспахали и всякими угодьи владѣли сверхъ своихъ окладовъ не подачѣ десятинные ихъ пашни и угодей и оброку написано.

За Сѣверскимъ Донцомъ по Крымской сторонѣ въ Донецкомъ лѣсу на большомъ логу выше прежняго городища.

За пушкаремъ за Нефедкомъ Проскурнинымъ пчельникъ пашни паханые десятина оброку полтина.

И февраля въ 23 день у посадского человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтина взято.

Да за Нефедкомъ же на оброкѣ мѣсто пчельное отъ Шераповского пчельника до пушкарскихъ гуменъ по большому логу что сидѣли ѣздоки не по дачѣ оброку полтина жъ.

И февраля въ 23 день у бѣлогородца у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтина взято.

За волжскимъ казакомъ за Обрамкомъ Родивоновымъ пчельникъ къ рѣкѣ къ Везеницѣ въ отхожемъ лѣсу пашни паханые полдесятины оброку пудъ меду безъ чети.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду безъ чети взято.

За стрѣльцы въ Донецкомъ лѣсу:

За Якимомъ Васильевымъ дворъ и пчельникъ оброку шесть денегъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ шесть денегъ взято.

За Иванкомъ Гребенкинымъ пчельникъ оброку шесть денегъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ шесть денегъ взято.

За Лукьяномъ винокуромъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку пудъ меду да гривна.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду да три алтыны и двѣ деньги взято.

За Михалкомъ Краюшкомъ дворъ да пчельникъ пашни паханые полдесятины оброку гривна.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ гривна взято.

За станичнымъ ѣздокомъ за Якушкомъ Кривымъ Колпакомъ да за стрѣльцомъ за Сенькою Хлѣбникомъ дворъ да пчельникъ оброку пудъ меду да денегъ двѣ гривны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду да шесть алтынъ и четыре деньги взято.

За Никонкомъ Лучникомъ дворъ да пчельникъ и огородъ оброку три пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимохи Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ три пуда меду взято.

За Денисомъ Хлыстовымъ пчельникъ оброку гривна.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ гривна взято.

За Гришею Хлыстовымъ дворъ да пчельникъ и огородъ оброку двѣ гривны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ двѣ гривны взято.

По Липовомъ Донцѣ по крымской же сторонѣ:

За стрѣльцомъ за Лучкою Постоваломъ дворъ и пчельникъ и хмѣлевое угодье и рыбная ловля земли паханые двѣ десятины оброку полтора пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтора пуда меду взято.

За бѣломѣстнымъ казакомъ за Агапкомъ Борыбинымъ дворъ и пчельникъ и хмѣлевое угодье и рыбная ловля оброку четыре пуды меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ четыре пуды меду взято.

За гулящимъ человѣкомъ за Оверкейкомъ Ястребовымъ пчельникъ и хмѣлевое угодье и рыбная ловля оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За гулящимъ человѣкомъ за Мишкою Прудцкимъ пчельникъ и хмѣлевое угодье оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

Въ Донецкомъ лѣсу за станичными ѣздоки:

За Семеномъ Выродовымъ дворъ и пчельникъ оброку полтретья пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда съ полупудомъ меду взято.

За Костею Выродовымъ дворъ и пчельникъ оброку полтина.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтина взято.

За Мокѣйкомъ Петрищевымъ дворъ и пчельникъ пашни паханые осминникъ оброку двадцать алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ двадцать алтынъ взято.

За стрѣльцомъ за Карпомъ Кострикинымъ дворъ и пчельникъ оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За рѣкою за Донцомъ по нагайской сторонѣ по рѣчкѣ по Разумницѣ за станичными ѣздоки:

За Иваномъ Карницкимъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За Познякомъ Огурцовымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку три пуды меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ три пуды меду взято.

За Третьякомъ Марковымъ дворъ и пчельникъ пашни паханые осминникъ оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За Кондратомъ Менташинымъ дворъ и пчельникъ оброку полтретья пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда съ полупудомъ меду взято.

√ За станичнымъ атаманомъ за Павломъ Бѣляевымъ дворъ и пчельникъ оброку два пуда меду да денегъ полполтины.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду да восмь алтынъ двѣ деньги взято.

За ѣздокомъ за Семенкою Воронкинымъ дворъ и пчельникъ оброку пять алтынъ.

И февраля въ 23 день у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пять алтынъ взято.

За ѣздокомъ за Лукьяномъ Першинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За ѣздокомъ за Денисомъ Козловымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку полпуда меду да денегъ гривна.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полпуда меду да три алтыны двѣ деньги взято.

За Иваномъ Толмачовымъ пчельникъ оброку пудъ меду да денегъ двѣ гривны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду да шесть алтынъ четыре деньги взято.

За ѣздокомъ за Игнатомъ Бовыкинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За ѣздокомъ за Ѳедкомъ Сивцевымъ дворъ и пчельникъ оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За Власомъ Набережнымъ пчельникъ оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За ѣздокомъ за Богдашомъ Кошкаровымъ пчельникъ оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За ѣздокомъ за Левою Кортавцевымъ пчельникъ и огородъ оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За Ивашкомъ Рыболовомъ пчельникъ и рыбная ловля и хмѣлевое угодье оброку двадцать алтынъ.

И февраля въ 23 день у бѣлогородца у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ двадцать алтынъ взято.

За Тренкою Подставкинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За ѣздокомъ за Кирѣйкомъ Орѣховымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку полтора пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ съ полупудомъ меду взято.

За ѣздокомъ за Иванкомъ Трунинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку гривна.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ гривна взято.

За ѣздокомъ за Онтонкомъ Ѳоминымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку четыре гривны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ тринадцать алтынъ двѣ деньги взято.

За пушкаремъ за Томиломъ Дмитріевымъ пчельникъ оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За атаманомъ за Тимохою Рѣпинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку полтина.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтина взято.

За ѣздокомъ за Пахомомъ Рѣпинымъ пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку пудъ меду да денегъ гривна.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду да три алтыны двѣ деньги взято.

За ѣздокомъ за Дѣемъ Рѣпинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку пудъ меду безъ чети.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ меду пудъ безъ чети взято.

За ѣздокомъ за Офонею Кукосовымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье и рыбная ловля оброку два пуда меду да денегъ двѣ гривны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду да шесть алтынъ четыре деньги взято.

За посадскимъ человѣкомъ за Тимонкомъ Ереминымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку четыре пуды меду.

И февраля въ 23 день у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ четыре пуды меду взято.

За ѣздокомъ за Фокою Кукосовымъ пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За ѣздокомъ за Олексѣемъ Нечаевымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и рыбная ловля оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За ѣздокомъ за Ондреемъ Корякинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье и рыбная ловля оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За ѣздокомъ за Хрѣномъ Корякинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье и рыбная ловля оброку полтора пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ съ полупудомъ меду взято.

За ѣздокомъ за Яковомъ Выродовымъ дворъ и пчельникъ и хмѣлевое угодье оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За ѣздокомъ за Иваномъ Становихинымъ дворъ и пчельникъ и хмѣлевое угодье оброку полтина.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтина взято.

За ѣздокомъ за Омельяномъ Глазковымъ пчельникъ и хмѣлевое угодье оброку четыре гривны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ тринадцать алтынъ двѣ деньги взято.

За вожомъ за Васкою Лодыгинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку четыре алтыны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ четыре алтыны взято.

За вожомъ за Фадѣйкомъ Трофимовымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За Данилкомъ Трубицынымъ пчельникъ и хмѣлевое и рыбная ловля оброку полтина.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтина взято.

За ѣздокомъ за Гришею Шопинымъ на Сѣверскомъ Донцѣ дворъ и пчельникъ и хмѣлевое угодье пашни паханые десятина безъ чети оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За ѣздокомъ за Наумкомъ Борыбинымъ на Донцѣ пчельникъ и хмѣлевое угодье оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

И всего у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина съ бѣлогородцовъ которые государевою землею владѣли сверхъ своихъ окладовъ не по дачамъ со пчельниковъ и съ десятинные ихъ пашни и съ угодей на 127 годъ оброку десять рублевъ и два алтына и четыре деньги да меду пятьдесятъ пудъ съ полупудомъ.

И обоего у цѣловальника у Васки Рослякова и у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина съ бѣлогородцовъ оброку на 127 годъ по книгамъ противъ отписки денегъ и за куницы деньгами жъ тринадцать рублевъ и двѣнадцать алтынъ полшесты деньги да сто тридцать семь пудъ меду.

И февраля въ 25 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу тотъ медъ отосланъ въ большой дворецъ къ боярину къ Борису Михайловичу Салтыкову да къ дьякомъ къ Ивану Болотникову да къ Богдану Кашкину да къ Патрекѣю Насонову съ Васкою жъ Росляковымъ да съ Тимонкомъ Ереминымъ посланъ.

И марта въ 3 день по памяти съ дворца за приписью дьяка Богдана Кашкина тотъ медъ на государевъ обиходъ на сытной дворецъ у Васки Рослякова да у Тимонки Еремина противъ памяти взятъ сполна.

Въ Исаковыхъ же книгахъ Погожево написано за станичнымъ ѣздокомъ за Назаркомъ Позняковымъ пчельникъ что на Липовомъ Донцѣ оброку старого одиннадцать алтынъ четыре деньги да по государевѣ грамотѣ по челобитью атамана Орѣха Ѳедорова прибавлено на тотъ пчельникъ оброку четыре гривны обоего на Позиякѣ того оброку положено двадцать пять алтынъ.

И февраля въ 23 день съ Позняка Назарова того оброку на 127 годъ наддачи тринадцать алтынъ двѣ деньги взято платилъ бѣлогородской цѣловальникъ Васка Росляковъ.

А старой оброкъ одиннадцать алтынъ четыре деньги за Назаркомъ Позняковымъ съ островка да съ сѣножати что на Липовомъ Донцѣ во

взятѣ въ окладныхъ въ приходныхъ книгахъ польскихъ городовъ 127 году писанъ подъ окладомъ.

(Архивъ Мин. Юстиціи. Приходорасходная книга разныхъ городовъ № 76, л. 21—55).

№ 3.

Воронежскіе ухожаи 1629 г.

На Воронажѣ съ рѣкъ и съ лѣсовъ и съ угодей денежныхъ доходовъ на нынѣшній на 137 годъ по окладу.

Ухожей Бетюцкой да Серетцкой по отдачѣ 136 году въ откупу боярина Ивана Никитича Романова за крестьяниномъ за Микифоркомъ Ѳалелѣевымъ а откупу противъ 136 году шестьдесятъ пять рублевъ полтретьи деньги.

И 136 года марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожево у воронажскаго сотника у Якова Жохова того откупу на нынѣшній на 137 годъ тридцать восмь рублевъ двѣнадцать алтынъ полшесты деньги взято.

Да по отпискѣ жъ и по росписи на Воронажѣ по государевѣ грамотѣ изъ розряду воронежскимъ атаманомъ и стрѣльцомъ и казакомъ и пушкаремъ и затинщикомъ и всякимъ воронежскимъ жилецкимъ людемъ за посольскіе кормы что они давали турскому послу за куры и за бораны и за говядину двадцать шесть рублевъ двадцать алтынъ пять денегъ въ расходѣ.

Юртъ Бѣлозатонской въ откупу за воронежцомъ за Ѳомкою Синцовымъ откупу противъ 136 году четырнадцать рублевъ съ гривною.

И 137 года марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева юртъ Бѣлозатонской въ откупу за воронежскими полковыми казаками за Дуняйкомъ Боклаповымъ съ товарыщи старого откупу четырнадцать рублевъ съ гривною да новыя наддачи шесть алтынъ четыре деньги обоего четырнадцать рублевъ десять алтынъ. И тѣ откупныя деньги съ юрту Бѣлозатонского на нынѣшній на 137 годъ у воронажскаго сотника у Якова Жохова четырнадцать рублевъ десять алтынъ взято.

Юртъ Боучарской да рѣка Тулучѣева въ откупу за воронажцомъ за Трофимкомъ Михневымъ откупу противъ 136 году шестнадцать рублевъ.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева юртъ Боучарской и рѣка Тулучѣева въ откупу за воронажскими полковыми казаки за Демкою Данилинымъ съ товарыщи стараго откупу шестнадцать рублевъ да новыя наддачи восмь алтынъ двѣ деньги. И тѣ откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ у воронежскаго сотника у Якова Жохова старой и съ новою наддачею шестнадцать рублевъ восмь алтынъ двѣ деньги взято.

Рѣка Сосна въ откупу за Воронажскимъ Успенскимъ келаремъ Онтонымъ откупу противъ 136 году 34 рубли.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у Воронажскаго сотника у Якова Жохова съ рѣки Сосны откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 34 рубля взято.

Ухожей Лысогорской въ откупу за воронажцомъ за Прокофьемъ Шишкинымъ откупу противъ 136 году 20 рублевъ съ гривною.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева ухожей Лысогорской за воронажскими полковыми казаки за Пронкою Тереховымъ съ товарыщи откупу стараго 20 рублевъ съ гривною да новыя наддачи 5 алтынъ обоего двадцать рублевъ 8 алтынъ 2 деньги. И тѣ откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ у воронажскаго сотника у Якова Жохова старой и съ наддачею 20 рублевъ 8 алтынъ 2 деньги взято.

Рѣка Потудонь съ ухожеемъ Потудонскимъ въ откупу за Прокофьемъ жъ Шишкинымъ откупу противъ 135 году 19 рублевъ.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у воронежскаго сотника у Якова Жохова съ рѣки Потудони и съ ухожья откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 19 рублевъ взято.

Николы чудотворца Гостунского что на Москвѣ за попомъ за Иваномъ на оброкѣ безъ перекупки съ 134 году на пять лѣтъ рѣка Икорецъ съ сентября по сентябрь да на рѣкѣ на Дону рыбныя ловли затонъ Бабей затонъ Окуневъ затонецъ Окуневъ же затонъ Ведовской затонъ Ситовъ съ марта по мартъ 139 году оброку съ рѣки Икорца и съ затоновъ на нынѣшній на 137 годъ 14 рублевъ 20 алтынъ 4 деньги срокъ тѣмъ деньгамъ Рождество Христово въ 138 году.

Ухожей Марковъ въ откупу Борщевскаго монастыря за игуменомъ Семіономъ да за воронажцомъ за Ортемкомъ Бухоновымъ откупу противъ 136 году 20 рублевъ 11 алтынъ 4 деньги.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева ухожей Марковъ отданъ въ откупъ Покровскому попу Ивану Махаю откупу стараго 20 рублевъ 11 алтынъ 4 деньги да новыя наддачи 25 алтынъ обоего 21 рубль 3 алтына 2 деньги. И тѣ откупныя деньги прежній откупъ и съ новою наддачею на нынѣшній на 137 годъ у воронажскаго сотника у Якова Жохова 21 рубль 3 алтыны 2 деньги взято.

Юртъ Калитвянской въ откупу по отдачѣ на Воронажѣ воеводъ Воронажскіе Чижовскіе слободы за Никольскимъ попомъ за Сергѣемъ а откупу на нынѣшній на 137 годъ 51 рубль.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у воронажскаго сотника у Якова Жохова съ юрта Калитвянскаго откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 51 рубль взято.

Затонъ Голышевской и волочилище и селище внизъ по рѣкѣ по Дону въ откупу за атаманомъ за Васильемъ Ломоносомъ откупу противъ 136 году 2 рубли срокъ тому откупу сентября 1 число 138 году.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева затонъ Голышевъ и волочилище и селище въ откупу за Борщевскимъ игуменомъ за Семіономъ стараго откупу 2 рубля да новыя наддачи 6 алтынъ 4 деньги. И тѣ откупныя деньги у воронежскаго сотника у Якова Жохова на нынѣшній на 137 годъ старой откупъ и съ новою наддачею 2 рубля 6 алтынъ 4 деньги взято.

Въ Воронежскомъ уѣздѣ въ селѣ Ступинѣ рыбныя ловли рѣчка Ивницы затонецъ Окуневъ озерко Боковое на оброкѣ села Ступина за атаманомъ за Корниломъ Цѣловальниковымъ съ товарыщи оброку противъ 136 году два рубли съ полтиною.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева тѣ оброчныя деньги на нынѣшній на 137 годъ у Воронажскаго сотника у Якова Жохова 2 рубля съ полтиною взято.

Воронажскія рыбныя ловли что ловятъ рыбу съ сѣжеми по рѣкѣ по Дону пять сѣжъ да по рѣкѣ по Воронажу осмнадцать сѣжъ того 23 сѣжи да на рѣкѣ на Дону перевозъ въ откупу за воронажцы за бѣломѣстными атаманы и за полковыми казаки и за стрѣльцы и за пушкари и за затинщики откупу на нынѣшній на 137 годъ противъ 136 году съ сѣжъ 7 рублевъ 21 алтынъ 4 деньги а съ перевозу рубль обоего 8 рублевъ 21 алтынъ 4 деньги.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у воронажскаго сотника у Якова Жохова тѣ откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 8 рублевъ 21 алтынъ 4 деньги взято.

Успенскаго монастыря что на Воронажѣ съ слободки оброку на нынѣшній 137 годъ противъ 136 году 10 рублевъ 26 алтынъ 4 деньги.

И 137 года марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у воронажскаго сотника у Якова Жохова тѣ оброчныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 10 рублевъ 26 алтынъ 4 деньги взято.

На Воронажѣ пустовой лугъ на Нагайской сторонѣ позадъ Усманскихъ атамановъ за рѣкою за Томлыскомъ межъ Хавы прямо на Скупуху и на

Пономареву луку на оброкѣ Воронежскаго Успенскаго монастыря за игумномъ Іоною съ братьею оброку на нынѣшній на 137 годъ противъ 136 году рубль.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у воронежскаго сотника у Якова Жохова тѣ оброчныя деньги на нынѣшній на 137 годъ рубль взято.

На Воронажѣ рѣчка Хава на оброкѣ за воронажцы за Неустроемъ Тарарыковымъ да за Клеменомъ Смагинымъ да за Григорьемъ Струковымъ оброку на нынѣшній на 137 годъ противъ 136 году рубль.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у воронажскаго сотника у Якова Жохова тѣ оброчныя деньги на нынѣшній на 137 годъ рубль взято.

Озерко Жироко съ протокомъ на оброкѣ за воронажцомъ за Тимофеемъ Митрофановымъ оброку на нынѣшній на 137 годъ противъ 136 году 12 алтынъ.

И 137 году марта въ 16 день но отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева тѣ оброчныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 12 алтынъ взято платилъ деньги воронежской сотникъ Яковъ Жоховъ.

На Воронажѣ 6 бань въ прошломъ 136 году были въ откупу за воронажскимъ жильцомъ за Гришкою Сусленикомъ сентября съ 1 числа 136 году сентября жъ по 1 число нынѣшняго 137 году а откупу съ тѣхъ бань стараго 25 рублевъ да Гришкины наддачи Сусленика 2 рубля да съ того откупу пошлинъ рубль 11 алтынъ 4 деньги съ рубля по 10 денегъ всего 28 рублевъ и одиннадцать алтынъ 4 деньги.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у Воронажскаго сотника у Якова Жохова тѣ откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 28 рублевъ 11 алтынъ 4 деньги взято.

Рѣка Осколъ съ малыми рѣчками съ верховья и до Жестовыхъ горъ въ откупу за Оскольскими за всякими людьми откупу на нынѣшній на 137 годъ противъ 136 году 3 рубля да съ Котельскаго лѣсу и съ рѣки Семи 25 алтынъ обоего 3 рубля 25 алтынъ срокъ тѣмъ деньгамъ апрѣля 17 число во 138 году.

И 137 года апрѣля въ 19 день по отпискѣ съ Оскола Данила Яблочкова съ рѣки съ Оскола съ малыми рѣчками и съ Котельскаго лѣсу и съ рѣки съ Семи оброку на нынѣшній на 137 годъ 3 рубля 25 алтынъ взято.

(Архивъ Мин. Юстиціи. Книга денежнаго стола, № 86, л. 13—18, 23—25, 158).

№ 4.

Татарскій погромъ 1646 года.

154 году генваря въ 26 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу и по отпискѣ боярина князя Алексѣя Микитича Трубецкаго Григорій Орефьевичъ Нероновъ допрашивалъ по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи крестному цѣлованью путивльцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и головъ верстаныхъ и кормовыхъ и жилецкихъ казаковъ и стрѣльцовъ какъ въ нынѣшнемъ во 154 году у воеводы у князя Василья Львова подъ Путивлемъ съ татары былъ бой и въ посылкахъ какъ воевода князь Василій Львовъ посылалъ стольника князь Өедора Львова въ посылку для поиску надъ татары и что гдѣ у татаръ полону отбито и кто именемъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей и посадскихъ и пашенныхъ людей и ихъ женъ и дѣтей и про то по государеву указу скажите имянно что тѣхъ мнѣ полонниковъ велѣно ставить передъ себя и роспрашивать порознь.

И путивльцы служилые и всякихъ чиновъ люди сказали въ нынѣшнемъ во 154 году декабря въ 21 день пришли подъ Путивль татарова на вѣсть и воевода де князь Василій Львовъ съ ними ратными людьми подъ Путивльцы къ нимъ выходилъ и съ ними билися съ перваго часа дни и до послѣдняго и къ надолобомъ и къ посадомъ и къ монастырскимъ слободамъ напущали татарове же жестокими напуски чтобъ имъ зажечь посады и Божіею де милостью и Пречистыя Богородицы помощію и государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи счастіемъ татары отъ посаду и отъ монастырей и отъ слободъ прочь отбили изъ наряду изъ мелкаго ружья побили многихъ и переранили а въ языцехъ взяли крымскихъ татаръ 11 человѣкъ а надъ посадомъ и надъ монастыри и надъ слободами татаромъ никакіе порухи учинить не дали пошли отъ Путивля прочь и воевода князь Василей Львовъ для поиску надъ татары послалъ стольника князь Өедора Львова а съ нимъ ихъ путивльцовъ ратныхъ людей головъ сотнями конныхъ и пѣшихъ съ обозомъ и съ нарядомъ и князь Өедоръ де Львовъ съ ними ратными людьми путивльцы татаръ дошелъ тысячъ съ пять въ Путивльскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ на Сногости отъ Путивля верстъ съ 50, а отъ Рылска верстъ съ 15, и былъ де у него съ татары бой и Божіею де милостію и Пречистыя Богородицы помощію и государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи счастьемъ татаръ побили и полонъ отбили многой а въ языцехъ де взяли татарина.

А полонъ де отбитъ Рыльскаго уѣзду до села Крупецы а Путимскаго уѣзду отбито полону вдовы Татьяны Ивановскія жены Черепова крестья-

нинъ Юшка Семеновъ съ женою съ Анюткою да съ сыномъ съ Гришкою да ее жъ вдовы Татьяны дворовая жонка Улитка.

И всего по семъ книгамъ на бою и въ посылкахъ взято въ полонъ и побито путивльцовъ дѣтей боярскихъ 7 человѣкъ.

Черниговецъ 1 человѣкъ.

Стрѣльцовъ и казаковъ и пушкарей 8 человѣкъ.

Посадскихъ людей да монастырской крестьянинъ всего 4 человѣка.

У нихъ же взято въ полонъ въ уѣздѣ жонъ ихъ и дѣтей и братьи 84 человѣка людей и крестьянъ и ихъ женъ и дѣтей 114 человѣкъ.

У путивльцовъ же и у черниговцевъ въ уѣздѣ взято въ полонъ людей ихъ и крестьянъ и ихъ женъ и дѣтей и братьи 439 человѣкъ.

Всего въ Путивлѣ и въ Путивльскомъ уѣздѣ взято въ полонъ всякихъ людей 639 человѣкъ.

(Архивъ Мин. Юстиціи. Разрядный приказъ. Дѣла Сѣвскаго стола, кн. № 3, л. 36—39).

№ 5.

О Чугуевскихъ виноградникахъ 1661—1662 г.

Нынѣшняго жъ 169 года ноября въ 11 день въ памяти изъ приказу Большаго дворца за приписью дьяка Андрея Селина написано.

Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ построить въ Чугуевѣ 5 огородовъ или сколько доведется и на тѣхъ огородахъ садить арбузы а что подастъ Богъ арбузовъ и тѣ арбузы присылать къ Москвѣ на свой великаго государя обиходъ на ямскихъ подводахъ а къ тому огородному строенью взять изъ служилыхъ или жилецкихъ всякихъ чиновъ людей охочихъ 5 человѣкъ которымъ арбузное строенье было за обычай и учинить имъ своего государева годоваго денежнаго жалованья по 5 рублевъ человѣку на годъ а давать имъ то годовое денежное жалованье изъ Чугуевскихъ доходовъ да ихъ жъ которые будутъ къ тому строенью охотники взять изъ служилыхъ людей отъ службы отставить и на той памяти ноября въ 13 день помѣта думнаго дьяка Семена Заборовскаго учинить по сему государеву указу.

А изъ разряду великаго государя въ грамотѣ въ Чугуевъ къ воеводѣ къ Обакуму Ѳедорову сыну Іевлеву писано. Велѣно ему выбрать изъ Чугуевскихъ изъ служилыхъ и изъ жилетцкихъ изо всякихъ чиновъ охочихъ людей пять человѣкъ и учинить въ Чугуевѣ по веснѣ рано въ городѣ и на посадѣ и въ слободахъ пять огородовъ или сколько пригоже а на тѣхъ огородахъ велѣть тѣмъ выборнымъ людямъ на его государевъ обиходъ садить

арбузы, а его государева годоваго денежнаго жалованья для той работы давать имъ по пяти рублевъ на годъ изъ Чугуевскихъ доходовъ и того надъ ними смотрѣть почасту чтобъ они у того дѣла были безъотступно и промышляли о томъ съ великимъ радѣньемъ неоплошно и арбузъ садили всегда не испустя времени и береженье къ огородному строенью и къ арбузамъ держали великое чтобъ тому строенью порухи никакіе ни отъ кого не было и арбузовъ бы на тѣхъ огородахъ завести нескудно. А сѣмены велѣть въ Чугуевѣ имать у тѣхъ людей у которыхъ арбузы бывали напередъ сего. А какъ аже дастъ Богъ нынѣшняго лѣта и впредь арбузы поспѣютъ и тѣ арбузы снять во время и устроя какъ пристойно присылать къ нему великому государю къ Москвѣ на ямскихъ подводахъ съ тѣми людьми которые къ тому строенью выбраны будутъ и съ провожатыми и приказывать накрѣпко чтобъ тѣ арбузы везли съ великимъ береженьемъ чтобъ въ дорогѣ порухи никакіе ни отъ кого не учинилось однолично бъ ему о томъ порадѣть для арбузнаго строенья нынѣшніе весны рано устроить огороды и къ тому арбузному и къ огородному строенью охочихъ людей выбрать и его государево денежное жалованье имъ для того дѣла дать а изъ какихъ людей и кого имяны къ тому дѣлу выберетъ и въ которыхъ мѣстехъ и каковы мѣрою на арбузное строенье огороды учинить и онъ бы писалъ о томъ къ нему великому государю.

Великаго государя грамота о томъ послана. Государеву грамоту Иванъ Харьевъ сынъ Іевлевъ взялъ.

А 169 жъ году іюня въ 23 день въ отпискѣ съ Чугуева Обакума Іевлева написано.

Къ арбузному строенью назвались изъ воли Чугуевцы дѣти боярскіе Степанъ Семеновъ Кирило Блудовъ казакъ Ѳедька Квасниковъ стрѣлецъ Петрушка Зубковъ пушкарь Мишка Булдыжовъ всего пять человѣкъ.

Огороды взяты у чугуевцовъ у дѣтей боярскихъ у Ивана Харитонова, да у Игнатья да у Кузмы Ганшиныхъ у Никона Мишнева у полковаго казака у Трофимка Аргунова пять огородовъ и на тѣхъ огородахъ нынѣшніе весны апрѣля въ 18 на государевъ обиходъ арбузовъ построена пополну и за арбузнымъ строеньемъ арбузники ходятъ безотступно а какъ дастъ Богъ арбузы поспѣютъ и онъ тѣ арбузы къ великому государю къ Москвѣ пришлетъ съ тѣми жъ арбузники.

А въ нынѣшнемъ въ 170 году сентября въ 3 день писалъ къ великому государю изъ Курска Александръ Похвисневъ а въ отпискѣ его написано въ 169 году августа въ 10 день прислана въ Курескъ къ нему великаго государя грамота изъ разряду за приписью дьяка Василья Брехова велѣно ему дать изъ курскихъ изъ таможенныхъ и кружечнаго двора денежныхъ доходовъ сытнику Ѳедору Осетрову для арбузные покупки сто рублевъ де-

негъ съ роспискою а таможенному и кружечнаго двора головѣ и цѣловальникомъ велѣно ему дать отпись за своею рукою и по указу великаго государя и по грамотѣ онъ Александръ къ Курску изъ таможенныхъ и кружечнаго двора изъ денежныхъ доходовъ у головы у Павла Пинякова сто рублевъ денегъ взялъ и отдалъ сытнику Ѳедору Осетрову для арбузные покупки того жъ числа а головѣ въ томъ далъ отпись.

Октября въ 16 день въ памяти въ разрядъ изъ приказу большіе казны за приписью дьяка Дениса Савлукова писано.

Лѣта 7170-го октября въ 16 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу память дьякомъ думному Семену Заборовскому да Василью Брехову да Афанасью Зыкову били челомъ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу чугуевскіе садовники Стенка Семеновъ съ товарыщи пять человѣкъ по указу де великаго государя велѣно имъ быть въ Чугуевѣ для арбузнаго строенья въ садовникахъ а воеводы де въ посылки и на всякіе службы и подѣлки ихъ посылаютъ и всякія подати велятъ платить и дѣтей ихъ и братьевъ и племянниковъ пишутъ въ солдаты и чтобъ великій государь пожаловалъ велѣлъ имъ быть у одного арбузнаго строенья а дѣтемъ и братьямъ и племянникомъ ихъ быть съ ними жъ въ одной службѣ и великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ садовниковъ Стенку Семенова съ товарыщи пяти человѣкъ пожаловалъ велѣлъ имъ быть въ Чугуевѣ у своихъ государевыхъ садовъ у одного арбузнаго строенья и въ службы ни въ какія выбирать ихъ не велѣлъ и о томъ указалъ великій государь послать свою государеву грамоту въ Чугуевъ къ воеводѣ изъ разряду и по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу дьякомъ думному Семену Заборовскому да Василью Брехову да Афанасью Зыкову учинить о томъ по указу великаго государя.

Того жъ числа въ другой памяти писано.

Лѣта 7170-го октября въ 16 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу память дьякомъ думному Семену Заборовскому да Василью Брехову да Офонасью Зыкову били челомъ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу Чугуевскіе садовники Стенка Семеновъ съ товарыщи пять человѣкъ по указу де великаго государя строили они въ Чугуевѣ подъ арбузы огороды городили и сѣяли и стерегли все собою а не городомъ а какъ де они тѣ огороды строили и хлѣба де они не пахали и сѣна не косили и нынѣ де

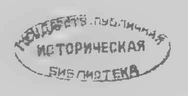
имъ съ женами и съ дѣтьми прокормиться нечѣмъ и чтобъ великій государь пожаловалъ велѣлъ имъ учинить свое великаго государя городовое и денежное и хлѣбное жалованье и великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ Чугуевскихъ садовниковъ Стенку Семенова съ товарыщи пожаловалъ велѣлъ имъ учинить своего государева жалованья оклады противъ ихъ братьи московскихъ оптекарскаго саду садовниковъ вполы денегъ по три рубля съ полтиною хлѣба по шти чети ржи овса потому жъ человѣку и то свое великаго государя денежное жалованье велѣлъ имъ давать изъ приказу большаго дворца а хлѣбъ въ Чугуевѣ и о томъ указалъ великій государь послать свою великаго государя грамоту въ Чугуевъ къ воеводѣ и по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу дьякомъ думному Семену Заборовскому да Василью Брехову да Афонасью Зыкову учинить о томъ по указу великаго государя.

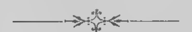
А изъ Розряду послана великаго государя грамота такова.

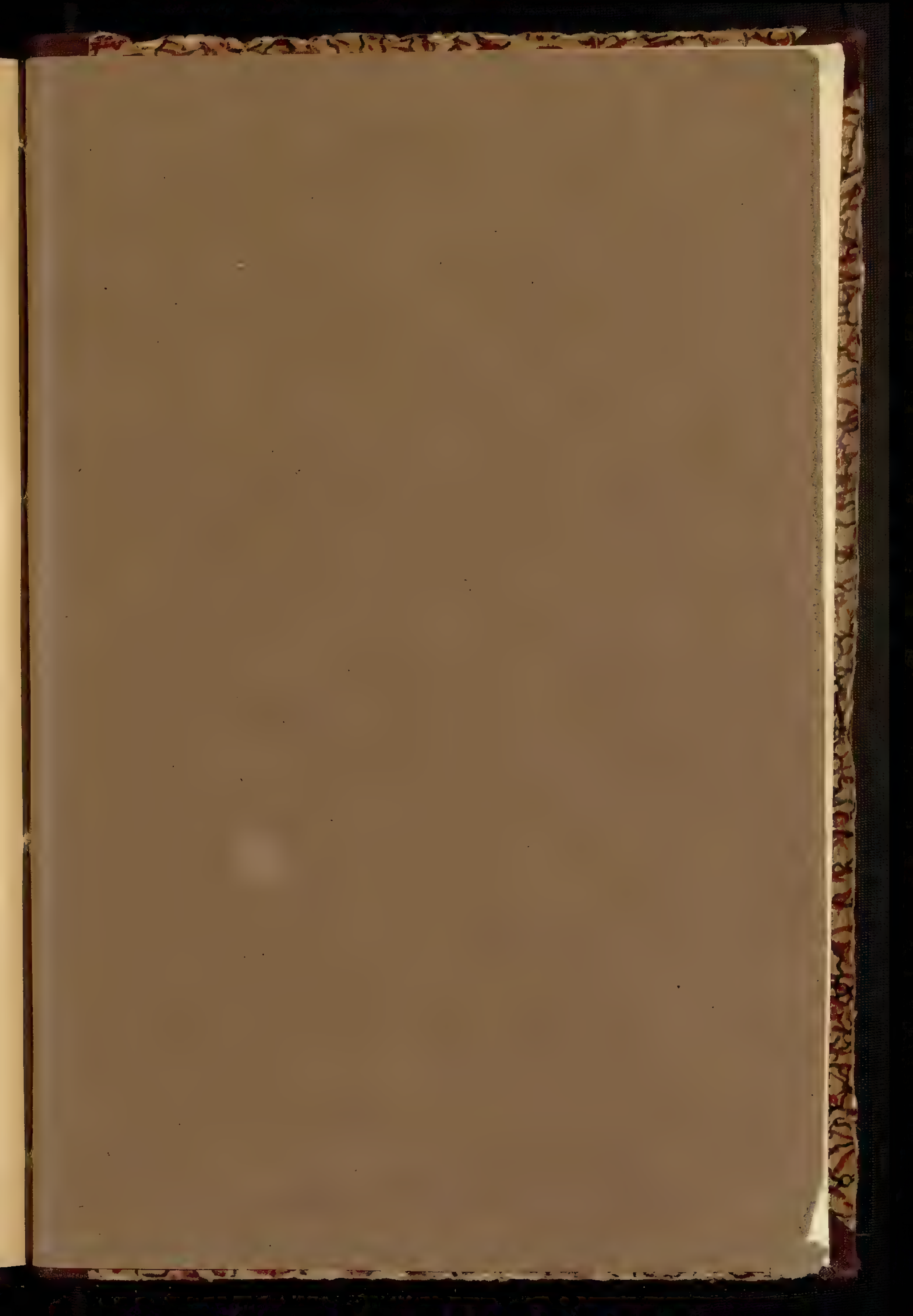
Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Чугуевъ Обакуму Ѳедоровичу Іевлеву били челомъ намъ великому государю чугуевскіе садовники Стенка Семеновъ съ товарыщи пять человѣкъ по нашему де великаго государя указу велѣно имъ быть въ Чугуевѣ для арбузнаго строенья въ садовникахъ и ихъ де въ посылки и на всякія наши великаго государя службы и на городовыя подѣлки посылаютъ и всякихъ податей на нихъ правятъ а дѣтей ихъ и братью и племянниковъ пишутъ въ солдаты а въ прошломъ во 169 году строили они въ Чугуевѣ подъ арбузы огороды и городили арбузы сѣяли и стерегли все собою а городскіе люди тѣхъ арбузовъ не строили и не стерегли а въ которое де время они у арбузнаго строенья и въ то время хлѣба не сѣяли и сѣна не косили и нынѣ де имъ съ женами и съ дѣтьми прокормиться нечѣмъ и намъ великому государу пожаловати бъ ихъ велѣть имъ быть у арбузнаго строенья а дѣтемъ ихъ и братьямъ и племянникамъ быть съ ними жъ въ одной службѣ и учинить имъ нашего государева жалованья городовое денежное и хлѣбное жалованья и какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ и ты бъ чугуевскимъ садовникомъ Стенкѣ Семенову съ товарыщи пяти человѣкомъ велѣлъ быть въ Чугуевѣ у нашихъ государевыхъ садовъ у одного арбузнаго строенья и въ службы ихъ ни въ какія не ималъ и не выбиралъ да имъ же давалъ нашего государева жалованья изъ нашихъ государевыхъ житницъ хлѣба ржи по шти чети овса тожъ на годъ въ московскую таможенную мѣру и ту дачу велѣлъ писать въ расходныя книги а денежнаго жалованья впредь имъ въ Чугуевѣ не давалъ для того что имъ наше государево денежное городовое жалованье велѣно давать на Москвѣ

въ приказѣ Большаго Дворца и приказалъ бы еси садовникомъ чтобъ они однолично арбузнымъ строеньемъ промышляли съ великимъ радѣньемъ и были бъ у того дѣла безотступно и арбузы сѣяли всегда не испустя времени. Писанъ на Москвѣ лѣта 7170-го августа въ 18 день.

(Архивъ Мин. Юстиціи. Разр. приказъ. Дѣла Московскаго стола, № 11, л. 368—373).

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи наукъ.
Октябрь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

